
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТ ИСТОРИИ ТЕКСТА К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 2

Москва
ИМЛИ РАН
2019

ББК 83.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
по проекту № 19-112-00043, не подлежит продаже

Научное издание

Отв. редактор — *М. И. Щербакова*

Рецензенты:
Н. В. Корниенко, М. С. Крутова

ОТ ИСТОРИИ ТЕКСТА К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.
Вып. 2. — М.: ИМЛИ, 2019. — 592 с.

Во втором выпуске труда «От истории текста к истории литературы» на примере литературного наследия русских писателей А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. Н. Муравьева, Н. В. Гоголя, И. С. Аксакова, И. А. Goncharova, Л. Н. Толстого, Н. Н. Толстого, Н. С. Лескова и др. — прослежены глубокие связи между индивидуальными художественно-эстетическими устремлениями отдельных авторов и общелитературным процессом эпохи.

Д. А. Бадалян

**КНИГА И. С. АКСАКОВА
«БИОГРАФИЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ТЮТЧЕВА»:
История создания и цензуры,
реконструкция первоначального текста**

Аннотация: В статье на основе документов из 6 архивных собраний представлена история подготовки первого издания книги И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева». Подробно исследованы цензурная история издания и исправления, внесенные в текст по требованию цензуры.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, «Биография Федора Ивановича Тютчева», цензура, власть, журнал «Русский архив», П. И. Бартенев.

Сведения об авторе: Бадалян Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела редких книг, ФГБУ «Российская национальная библиотека», Санкт-Петербург

D. A. Badalian

**I. S. AKSAKOV'S BOOK "THE BIOGRAPHY OF FYODOR IVANOVICH TYUTCHEV":
History of creation and censorship,
reconstruction of the original text**

Abstract: In the article, based on the documents of the 6 archival collections, the history of the preparation of the first edition of the book by I. S. Aksakov "The Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev" is presented. The censorship history of the publication and corrections made to the text on demand of the censorship were examined in detail.

Key words: I. S. Aksakov, "The Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev", censorship, power, the magazine "Russian Archive", P. I. Bartenev.

Information about the author: Badalian Dmitrii Alexandrovich, Candidate of Sciences in History, senior researcher of the Department of rare books of the National Library of Russia, St. Petersburg.

В 1886 г., уже после смерти автора этой книги, Н. П. Гиляров-Платонов заявил: «“Биография Тютчева” есть не только лучшее произведение Аксакова, но, без преувеличения сказать, лучший критический труд по истории русской литературы вообще. Мы, по крайней мере, не знаем монографии ни об одном из наших писателей, которая по глубине, тонкости и обстоятельности разбора равнялась бы с произведением Аксакова о Тютчеве»¹. Если совре-

менные историки литературы не столь категоричны в оценке этой книги, то остается неизменным отношение к ней как к труду выдающемуся, на многие годы ставшему образцом биографии поэта и мыслителя.

Тем не менее история издания «Биографии Федора Ивановича Тютчева» и особые цензурные обстоятельства выхода ее в свет изучены далеко не в полной мере. Более того, исследователи и в наши дни повторяют миф, возникший при первом же обращении к этой теме. Речь идет о выпущенном в 1896 г. томе писем И. С. Аксакова. В нем увидело свет письмо к Д. Ф. Тютчевой от 28 июля 1874 г., где говорилось о Биографии Тютчева. Автор комментария к нему (скорее всего, им являлся В. С. Россоловский²) утверждал, что эта книга «была отпечатана впервые в 1874 г., но тогда ей не пришлось выйти в свет — сочинение это было конфисковано цензурой. Вторично “Биография” эта была напечатана в 1885 г. и вышла в свет с пометкой “Москва 1886 г.”»³. На первую ошибку — слова о том, что в 1874 г. Биография не вышла в свет, — вскоре указал П. И. Бартенев⁴. Проверить это заявление было несложно, и позднее его редко повторяли. Худшие последствия имело второе неверное утверждение: что осуществленное вдовой автора издание 1886 г. якобы выпустил еще в 1885 г. сам И. С. Аксаков⁵. Его принимают на веру и тиражируют даже наши современники⁶.

Первое издание Биографии Тютчева стало предметом специального исследования, основанного на хранящейся в архивах переписке, лишь в 1982 г. в работе А. Л. Осповата⁷. Некоторые подробности ее подготовки и выхода в свет отметили в 1997 г. В. Н. Касаткина и Г. В. Чагин⁸, а ряд аспектов ее цензурной истории был рассмотрен в нашей статье в 2009 г.⁹ Уже после этого компиляцию различных связанных с историей книги материалов сделал С. В. Мотин¹⁰.

Между тем существующие в архивах источники позволяют если не в совершенно целостном виде, то гораздо подробнее представить обстоятельства создания и цензуры этой книги и восстановить большинство сделанных в ней купюр.

* * *

Первое, отмеченное исследователями, заявление зятя Ф. И. Тютчева о работе над его Биографией прозвучало спустя 17 дней после кончины поэта. 1 августа 1873 г., говоря о Федоре Ивановиче в письме к Ф. В. Чижову, Аксаков добавил, что готовит о нем «статью для Общества любителей русской словесности, которое надобно будет осенью созвать в особое заседание»¹¹. Если о том, что Аксаков собирается писать Биографию Тютчева, близкие поэта в Петербурге знали

уже в первой декаде августа¹², то спустя время наверняка услышал об этом и П. И. Бартенев (тем более что он в сентябре – октябре общался с Аксаковым по поводу его статьи в декабрьской книге «Русского архива»¹³ и, возможно – в связи с опубликованной в октябрьской книге статьей Тютчева «Россия и Германия»). Находясь на курорте в Остенде, Бартенев 2 (14) декабря в письме к Е. Ф. Тютчевой просил помочь «дать читателям “Русского архива” хорошую статью» о ее отце с «данными биографическими и сведениями точными» и добавлял: «Если Иван Сергеевич захочет написать, попросите его от меня удержать статью для “Русского архива”»¹⁴. Вероятно, издатель, не уверенный в реакции самого автора, предпочел действовать через семью поэта.

Аксаковская Биография Тютчева, действительно, впервые увидела свет под обложкой журнала Бартенева. Но в письмах знакомым и друзьям автор говорил не о работе для «Русского архива», а о том, что готовит статью «для Общества любителей словесности», председателем которого он в то время являлся¹⁵. Созданная же в итоге Биография – совершенно редкий случай – заняла весь номер журнала. Хотя в ходе работы автор еще долго называл свой труд то статьей, то биографическим очерком (и даже его первое издание увидело свет с подзаголовком «биографический очерк»), он чрезвычайно далеко вышел за предложенные издателем рамки привычной в журнале статьи с «данными биографическими».

Этому, безусловно, способствовала заинтересованная помощь вдовы Тютчева Эрнестины Федоровны и ее близких. В сентябре вдова поэта прислала Аксакову 50 листов выписок, сделанных из посланий мужа, адресованных ей начиная с 1843 г. Вслед за тем Иван Сергеевич, изложив видение специфики будущей книги («его биография – трудное дело; она богата не столько внешним, сколько внутренним содержанием»), попросил Е. Ф. Тютчеву поделиться с ним другими семейными материалами¹⁶. В декабре выслал воспоминания о Тютчеве брат Эрнестины Федоровны К. Пфеффель¹⁷. Также и княгиня Е. Э. Трубецкая передала через родных поэта копии полученных от него писем. Задуманная «статья» все разрасталась и разрасталась в объеме, и планировавшееся было автором на осень чтение ее в заседании Общества любителей российской словесности провели лишь в январе 1874 г.

Трудно согласиться с мнением, что «общая концепция» аксаковского труда «вполне сложилась уже через несколько дней после смерти Тютчева»¹⁸. В письме Ю. Ф. Самарину от 18–19 июля 1873 г., на которое ссылается А. Л. Осповат, рассуждения Аксакова представля-

ют не столько концепцию, сколько трехчастную композицию будущей книги: жизнеописание, поэтическое творчество, политическая мысль. И только в ноябре 1873 г. в распоряжение Аксакова поступили «неизвестные черновые рукописи» тестя, которые позволили ему значительную часть книги уделить представлению Тютчева как политического, а отчасти и религиозного мыслителя. Да, конечно, Аксаков знал Федора Ивановича по их нечастым беседам, по его эпистолярным высказываниям (которые, вероятно, яснее и глубже раскрывались в контексте этих бесед), но лишь на исходе осени автор Биографии получил возможность апеллировать к развернутым рассуждениям Тютчева, переданным непосредственно по источникам. Причем, впервые взяв в руки эти новые источники (на французском языке), Аксаков еще должен был внимательно их прочесть и осмыслить.

4 ноября Аксаков писал из Турова (деревни в Серпуховском уезде, где он работал над Биографией) княгине Е. А. Черкасской: «Я доканчиваю, впрочем, еще вчерне, статью большую о Тютчеве, — нужно еще будет собрать в Москве кое-какие справки»¹⁹. Однако спустя почти месяц, 3 декабря той же Черкасской он сообщил: «Я получил еще несколько новых материалов для статьи о Тютчеве, — и все продолжаю ею заниматься»²⁰. Эти материалы, т. е. присланные Эрн. Ф. Тютчевой политические сочинения ее мужа²¹, по всей видимости, раздвинули горизонт задуманной работы и способствовали воплощению ее в полноценную книгу.

Кроме того, отметим: Аксаков и прежде рассматривал Биографию Федора Ивановича в одном ряду с жизнеописаниями своих близких, которые ему надлежит создать. Так, 18 сентября 1873 г. он писал священнику М. Ф. Раевскому: «Мое постоянное занятие — исторический очерк славянофильства и биографии моего отца и брата, теперь же пишу биографический очерк Тютчева для Общества Любителей Русской Словесности»²². 12 октября 1873 г. Аксаков сообщал Черкасской: «...составляю статью о Ф. И. Тютчеве для Общества любителей словесности, а впереди все тот же труд — окончательное приготовление к изданию остальных сочинений, а также писем брата и его биографии»²³.

С обнаружением публицистики Тютчева у его биографа возникали новые весомые основания рассматривать идеи Федора Ивановича в тесной связи с воззрениями славянофилов. Их, к примеру, объединяло отношение к России как к христианской державе, противостоящей Западу, который периодически охватывают революции, одушевляемые антихристианским духом. Характерно то, что

Н. Н. Страхов, спустя годы, заговорив в связи с Биографией Тютчева о славянофильстве, подчеркивал: «...всякий, желающий сериозно познакомиться с основами этого учения, должен читать эту книгу, и кто не читал ее, тот еще не имеет права рассуждать о славянофильстве»²⁴.

И хотя задуманный цикл биографий так и не был завершен, часть подготовительной работы Аксаков проделал. Таковой, в определенной мере, можно считать издание произведений С. Т. и К. С. Аксаковых со вступительными статьями самого издателя²⁵. Ведь и работе над Биографией Тютчева предшествовал выпуск его сборника стихов, осуществленный Аксаковым в 1868 г., и высказанное Самарину уже на следующий день после похорон поэта желание «собрать и напечатать его письма (а их множество)»²⁶. Раздумья же над личностью и творчеством Н. В. Гоголя у Аксакова воплотились в эпистолярный спор с О. Ф. Миллером в ноябре 1875 г.²⁷, а затем — в частичную публикацию отцовской «Истории моего знакомства с Гоголем»²⁸.

Задуманное и долго готовившееся выступление Аксакова на заседании Общества любителей российской словесности состоялось 20 января 1874 г. Уже не менее чем за месяц до него Аксаков понимал: итоги проделанной работы не вместить в одну публично произнесенную речь. И рассказывая Н. С. Соханской о планируемом заседании памяти Тютчева, он объяснял: «Я буду читать извлечение из моей большой статьи о нем, которая составляет почти целую книжку»²⁹. Уже после события петербургская газета «Голос» передавала: «...о Тютчеве И. С. Аксаков прочитал главу из приготовляемой биографии поэта, предпослав ей вступление»³⁰.

В своей речи автор говорил «исключительно о поэтическом достоинстве» творчества Тютчева — так позднее сам он вспоминал в письме Н. П. Гилярову-Платонову³¹. «Исключительно» — в контексте письма значит: не касаясь общественно-политических взглядов. В послании тому же Гилярову-Платонову, но написанном 3 февраля 1874 г., по свежим впечатлениям от выступления, Аксаков рассказывал: «Я излагал тут целый трактат о судьбе русской поэзии или русского стихотворства, и гадал о его будущем»³². Но обойтись вовсе без размышлений о личности поэта он не мог. Да и выступление его было озаглавлено «Воспоминания о покойном действительном члене Общества Ф. И. Тютчеве и очерк поэтической его деятельности»³³. Примечательно, что анонимный фельетонист «Голоса», с иронией было приступивший к рассказу о заседании общества, оставил этот тон, чтобы сообщить: «Чтение г. Аксакова было в высшей степени характерно и носило на себе отпечаток той задушевности и поэзии, которые мы редко встречаем на публичных чтениях, и нет сомнения,

что биография Тютчева, которая явится из-под его пера, обещает быть очень интересною книгой, с очень интересным содержанием»³⁴.

Гиляров-Платонов, который сам не был на заседании 20 января, спустя почти два года писал Аксакову: «Вы говорите об успехе в Общ~~е~~стве Люб~~е~~телей Словесности. Я слышал другое: что “слишком длинно”, что Аксаков “расписывает Тютчева, потому что он его тесть”. Видите, опять убито. Когда я прочитал книгу, я увидел, что отзыв совершенно несправедлив; но как угодно, он был произнесен»³⁵.

Однако до нас дошел другой и гораздо более вдумчивый отзыв очевидца этого выступления, отмечающий, подчеркнем, влияние на труд Ивана Сергеевича его жены. 21 января 1874 г. давняя знакомая четы Аксаковых Н. С. Соханская писала из Москвы А. В. Плетневой: «Вчера я не могла не быть в Обществе заседания Люб~~е~~телей Русской Словесности. Аксаков разбирал значение и поэзию Тютчева превосходнейшим, тончайшим способом — до восхищения самого разумного в его слушателях. Ты мне вспоминалась, я о тебе думала, тебя я желала бы видеть в числе слушательниц. Чувствовалась обаятельно женская тонкость поэтического понимания в силе высоко разумной речи Аксакова. Славно! Вот духовный плод их супружеского союза»³⁶.

Спустя более чем две недели после своего выступления, 6 февраля 1874 г., Аксаков сетовал в письме князю В. А. Черкасскому на то, что у него «много возни» с Биографией: «Приходится и переписывать самому, и переводить самому письма и некоторые рукописи, которые входят во вторую половину биографии — политическую»³⁷.

Минуло еще полтора месяца, и 25 марта Аксаков рассказывал Чижову: «Я занят с утра до ночи и часть ночи: тороплюсь окончить свою работу о Тютчеве и по поводу Тютчева. Работа разрослась именно в той части биографии, где пришлось излагать его политические взгляды по его статьям и по его рукописям и письмам. Они касаются самых жгучих вопросов современности»³⁸. В марте он начал высылать части рукописи Бартеневу, и 19 марта сообщил Бахметевой: «Моя биография Тютчева, из которой я читал публично один отрывок, печатается»³⁹. Аксаков рассчитывал к середине апреля закончить работу с рукописью. В письме Бартеневу 7 апреля он обещал: «Весь оригинал пришлю на будущей неделе»⁴⁰. Однако, судя по его письмам издателю «Русского архива», работа затянулась, и 16 мая Аксаков сообщал: «Мне остается дописать не более как полторы странички»⁴¹. Еще в апреле, не завершив рукописи, он должен был взяться за гранки и корректуру печатаемой Биографии. В ночь с 9 на 10 апреля Аксаков (в это время он на шесть дней оказался в Серпухове в качестве присяжного заседателя) писал издателю: «Первый лист я под-

писал Вам печатать», а немного далее добавлял: «Посылаю Вам продолжение. Буду высылать ежедневно, хотя суд отнимает у меня почти целый день»⁴².

В том же письме, споря с Бартеневым, Аксаков сформулировал ряд тезисов, важных для понимания особенностей его авторского стиля. Приведем их полностью: «Я умышленно не держусь некоторых, откуда-то выдуманных правил орфографии, пунктуации и т. п. Имейте в виду одно: дух русского языка — свобода, — и что лучше для уха, что вразумительнее для читающего, что облегчает чтение, то и лучше. Например, Вы в творительном языке <так!> женских имен непременно ставите *ю*, вместо сокращенного *й*. Не следует: я напишу: “разговаривал с прекрасною женщиной”; в одном месте *ю*, а в другом *й*. А Вы непременно исправите и выйдет педантическая и не гармоническая правильность. Ее и к черту! И пожалуйста не делайте таких поправок. Точно так и изменение глаголов 3-го лица из единственного в множественное. Я скажу: “В нем выражалось сознание и чувство”, Вы сейчас согласуете, т. е. ставите множественное: от этого речь теряет живость. Далее: истинно безобразно ставить запятую после союза *и*: “Я пошел туда и увидав собаку, возвратился вспять”. Вы сейчас напишете: “Я пошел туда и, взяв собаку” и проч. А я нахожу вполне правильным написать: “Я пошел туда, и взяв собаку возвратился вспять”. — Я имею привычку читать написанное вслух, становясь в положение читателя, и руководствуясь ухом и удобством для чтения, и прошу Вас, любезнейший Петр Иванович, оставить впредь мое правописание, расстановку знаков и даже “—”, которое я очень люблю, и которое Вы у меня везде повычеркали»⁴³.

В этом же письме (т. е. уже приступив к печати) Аксаков обратился к издателью с просьбой по выходе журнала отпечатать для него: «экземпляров *тридцать* <...> на *отличной* бумаге <...>. С портретом» и «отдельных оттисков на простой бумаге 120 штук. Желательно с портретом». По поводу оттисков он объяснял: «Нужно будет послать к славянам и раздать моим знакомым и проч.». Экземпляры же на венеевой бумаге предназначались главным образом для близких Федора Ивановича. Аксаков писал: «Отношения моей жены и моих двух своячениц к Царск<ому> семейству, наконец, связи самого Тютчева с разными высокопоставленными, требуют рассылки им или преподнесения экземпляров отдельных, — и не от моего, а от их имени»⁴⁴. Автор и издатель были давними приятелями и, очевидно, соглашаясь на публикацию Биографии в журнале Бартенева без какого-либо горнорара, Аксаков посчитал излишним заранее оговорить на бумаге все детали их договоренности.

25 апреля, когда уже были подписаны в печать почти четыре печатных листа текста и автор готовился перебраться в Москву, он узнал о желании Бартенева «подвергнуть V, VI и VII отдел предварительному чтению»⁴⁵. Речь шла о главах Биографии, которые посвящены Тютчеву как политическому мыслителю и публицисту. Что имел в виду издатель — не вполне ясно. Ведь, судя по уже приведенному письму Аксакова от 16 мая, Бартенев пытался править Биографию, прежде чем отдать ее в набор, а значит, и читал. Возможно, речь шла о предварительном чтении цензором? Вообще «Русский архив» издавался без предварительной цензуры, но Бартенев мог попросить сотрудника цензурного комитета заранее прочесть части книги, наиболее остро выглядевшие в глазах власти. Так или иначе, автор не возражал (да и вряд ли мог), но просил: «...только бы хотел это исполнить в корректурном наборе, т. е. после моего собственного пересмотра и исправления оригинала»⁴⁶.

В апреле, еще не закончив рукописи, Аксаков выслал первые ее части для ознакомления Эрн. Ф. Тютчевой⁴⁷ и затем, вероятно уже в мае, отправил рукопись Ю. Ф. Самарину, мнением которого он особенно дорожил. 27 мая они встретились, и в конце того же дня Иван Сергеевич рассказывал в письме жене: «Он в таком восторге от первых шести листов биографии, что совестно слушать, говорит, что ни одна немецкая эстетика не разъясняет так процесса творчества, что у меня способность понять и передать неуловимое, как в искусстве, так и в личности человеческой и проч. 7 и 8 листом он также очень доволен⁴⁸. Но 9 лист, именно где дело идет о *черновой рукописи* Ф_{<едора>} Ив_{<ановича>}, он советовал мне изменить, не брать на себя, так сказать, ответственности и солидарности за все эти мнения, вообще не пускаться самому в разрешение вопроса еще весьма спорного, о котором вполне ясно и убедительно нельзя говорить мимоходом, и который, по совести, есть вопрос еще открытый. Я с этим совершенно согласен, и именно, не будучи этим листом вполне доволен, я и задержал еще прежде его печатание и требовал от Самарина его совета. У Фед_{<ора>} Ив_{<ановича>} очевидно понятие о Церкви несколько иное, чем наше теперь. Займусь переделкой этих трех-четырех страниц»⁴⁹.

На следующий день Аксаков продолжил работу с корректурой и снова встречался с Самариным, чтобы, как рассказывал жене, «показать ему некоторые письма Федора Ивановича из 10-го листа»⁵⁰.

Еще 16 мая, сетуя на то, что «типография ужасно мешкотна», Аксаков, обращаясь к Бартеневу, настаивал: «Я бы желал, чтоб биография непременно явилась в июньской книжке. Лучше задержите №»⁵¹.

Однако после беседы с Самариным он изменил свои планы и 28 мая писал Бартеневу: «Я решаюсь не выпускать биографию летом, по совету многих, отложив ее выпуск до 1 октября. Но кончить печатание хочу непременно, потому что иначе не в состоянии буду приняться ни за что другое. Пусть в типографии дело идет своим чередом. — 9-й лист хотя и сверстан, но я его переделаю совсем и сокращу по совету Самарина, которому я давал читать все листы и который всеми 8 листами более чем доволен»⁵². Утром следующего дня, сообщая в письме жене о своем решении отложить выпуск Биографии, Аксаков пояснял: «...иначе ее пришлось бы выпустить в половине июля. Портретов еще нет, и до сих пор типография еще не кончила набора оригинала»⁵³.

В первой половине июня Аксаков еще продолжал работу с Биографией. Так, 14 июня он выслал Бартеневу (очевидно, уже в корректуре) последнее, 3-е приложение к своей книге и просил уточнить цитируемые стихи Хомякова. Когда работа над книгой близилась к концу, Аксаков навестил в Москве И. С. Тургенева, с которым, как рассказывал в письме Анне Федоровне, «провел час времени в очень приятной — эстетической беседе, — tolкуя о Фед^{<оре>} Ив^{<анови>}че, читая стихи и пр.»⁵⁴.

Наконец, 9 июля автор написал Е. Ф. Тютчевой: «...биография совсем отпечатана <...> Портреты получены и очень хороши»⁵⁵. Речь шла о заказанных в лейпцигском издательстве Ф. А. Брокгауза выполненных в гравюре на стали портретах поэта с фотографии Г. И. Деньера. На титуле этого издания было обозначено заглавие «Федор Иванович Тютчев (Биографический очерк)».

* * *

Прошло несколько дней, и в судьбе издания наступил новый, для его автора во многом неожиданный поворот. 13 июля 10-я книга «Русского архива» поступила в Московский цензурный комитет. Каким образом это произошло?

Сам Аксаков рассказывал кн. Черкасской 24 июля: «...выпустить эту книжку “Архива” предполагалось только в конце сентября, но типография, не сказавши никому, препроводила теперь же экземпляр в Цензурный комитет для получения билета. А Цензурный комитет здесь составлен из таких идиотов, которым подобных не найдешь во всей России»⁵⁶. Спустя четыре дня в письме к Д. Ф. Тютчевой Аксаков сделал акцент на иных обстоятельствах: «Хотя “Русский архив” издается без предварительной цензуры, для чего вносит залог в несколько тысяч р^{<ублей>}, но последними новейшими дополнительными правилами это уничтожение предварительной цензуры сделалось только

мнимым. Типография не может выпустить ни одной книжки, ни одного № журнала, не получив от цензора права на выпуск»⁵⁷.

Вероятно, автор Биографии описывал ситуацию с неожиданным для него арестом тиража со слов Бартенева. Тем не менее товарищи Аксакова по славянофильскому кругу уже тогда заподозрили, что Петр Иванович лукавил, выгораживая себя (о чем будет сказано далее). Нельзя исключить, что издатель журнала, как уже было отмечено, перестраховываясь, сам заранее представил отпечатанный экземпляр книги в цензуру. Это не выглядит странным, если учесть, что Бартенев был заинтересован избежать конфликта с властями и материальных потерь, которые понес бы в случае изъятия готового тиража издания (как, например, произошло в 1870 г., когда цензура задержала номер «Русского архива» с «Запиской о древней и новой России» Н. М. Карамзина и издаватель, чтобы выпустить журнал, вырезал из него часть страниц⁵⁸). Об осторожности и дипломатичности Бартенева говорит и то, что, в тот самый день, когда Биография попала в цензуру, он сообщал о ней князю П. А. Вяземскому: «Там в двух местах говорится о Вас, которые и посылаю под бандеролью, дабы предварительно Вы изволили прочитать их. Есть еще место (его под рукою у меня теперь нет), где Тютчев приписывает Вашему дружескому к нему чувству свои успехи в петербургском обществе по переселении своем из чужих краев». При этом издаватель «Русского архива» добавлял: «Аксаков, разумеется, не мог переделать своей турецкой натуры: в статье много прекрасного рядом с преувеличениями»⁵⁹.

Уже через день, после того как книга попала в цензуру, 15 июля, председатель комитета И. В. Росковшенко отправил министру внутренних дел телеграмму: «Московский цензурный комитет признал десятую книжку “Русского архива” вредною и подлежащую аресту, как заключающую крайне славянофильские политические воззрения. Срок 17 июля»⁶⁰. При выходе периодического издания в условиях карательной цензуры, согласно действовавшим тогда Временным правилам о печати от 6 апреля 1865 г., для просмотра журнала цензором и — в случае необходимости — его задержания предоставлялось два дня⁶¹. Однако Росковшенко, когда указывал крайний срок принятия решения 17 июля, вел отсчет дней не от реальной даты поступления издания в цензуру, а от дня отправления им телеграммы. Получается, что закон и практика могли расходиться.

В это время на службе отсутствовали министр внутренних дел А. Е. Тимашев и начальник Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов. Поэтому решение о судьбе книги принимали ис-

правляющий должность начальника Главного управления Н. В. Варадинов (он представил проект телеграммы о «задержании» книги) и управляющий министерством князь А. Б. Лобанов-Ростовский, который собственно и распорядился «остановить выпуск вредной десятой книги журнала “Русский архив”». И в тот же день 16 июля генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков телеграммой доложил, что номер журнала «остановлен в типографии Готье в количестве 3125 экземпляров»⁶².

Впрочем, ареста избежали, как писал Аксаков, два экземпляра, сохранившиеся у Бартенева, и два — у самого Аксакова⁶³. Он также отметил, что еще до ареста книги один отиск Бартенев послал К. П. Победоносцеву (постоянному сотруднику «Русского архива») в Зальцбург, где тот отдыхал⁶⁴.

В день ареста тиража, 16 июля, Рокковшенко направил в Главное управление по делам печати подробное представление, в котором было рассмотрено содержание книги, точнее — ее V—VIII глав, на которых сосредоточилось все внимание московской цензуры. Сделанные ею замечания можно свести к трем пунктам.

Во-первых, серьезное беспокойство вызвали суждения Аксакова о сути самодержавной власти. В частности, приведенное в представлении заявление, «что не народ существует для правительства, а правительство для народа, что народ есть источник власти, что он отвлекает от себя власть и переносит ее на лицо или учреждение, сам себя ограничивая»⁶⁵. В связи с этим цензура выделила и мысль Аксакова о том, что «начало государственное должно стоять в подчинении духовному, высшему для человека началу; иначе оно задавит дух и свободу»⁶⁶.

Вопреки позднее высказанному утверждению Аксакова, что тексты самого Федора Ивановича, зачастую не переведенные с французского, остались не поняты цензорами и не вызвали их замечаний⁶⁷, надо отметить: обратили они внимание и на слова Тютчева, причем приводимые в книге по-французски. Так, московская цензура выделила фрагмент письма поэта «в Париж, к одному русскому знакомому»⁶⁸, где тот заявил: «Только в России принцип династический имеет еще будущность, но при том необходимом условии, чтобы династия делалась все более и более национальною. Ибо вне национальности, национальности энергической и сознательной русская автократия была бы бессмыслицею и чудовищностью»⁶⁹.

Во-вторых, внимание цензуры привлекла проводимая Аксаковым, вслед за А. С. Хомяковым и Тютчевым, критика текущего положения власти: «скучности духа и самосознания официальной России»⁷⁰,

утратившей «смысл и чувство своего исторического предания», наконец, критика ее «тупоумия», непонимания своей страны⁷¹ и, как было отмечено в другой части доклада, того, что «интересы власти отделились от интересов русской земли»⁷².

В-третьих, не остались незамеченными критические суждения автора, адресованные самой цензуре, высказанные им по поводу заслуг Тютчева в деятельности на посту председателя Комитета цензуры иностранной⁷³.

Московский цензурный комитет пришел к заключению, что «в этом сочинении отразились все тенденции, которые проводил г. Аксаков в издаваемой им газете. То же благоговение перед русским простым народом, его великим призванием, и неприязненные отношения к современной действительности — правительству и официальной среде»⁷⁴.

О какой газете Аксакова шла речь? В 1867–1868 гг. он редактировал газету «Москва», приостановленную министром внутренних дел А. Е. Тимашевым и окончательно закрытую по решению Государственного совета, признавшего ее направление «противоправительственным». Однако он не являлся ее издателем. До этого, в 1861–1865 гг., Аксаков издавал и редактировал газету «День», имевшую неоднократные конфликты с цензурой. По всей видимости, в сознании автора этого документа слились газеты «День» и «Москва» (и сам Аксаков позднее объяснял кн. Черкасской: «Комитет нашел, что в биографии то же направление, какое было в “Дне” и “Москве”»⁷⁵). Это тем более вероятно, что в обоих изданиях их редактор последовательно проводил те же славянофильские представления о власти, которые стремился выразить в Биографии Тютчева. К примеру, еще в 1862 г. в статье, предназначеннной для «Дня», он заявлял, что именно народ — «живой организм, источник всякой власти и силы»⁷⁶. Однако эта статья была запрещена к печати самим императором, и вскоре, по его указанию, Аксаков был лишен на время прав редактора.

Можно сказать, насколько Аксаков был последователен в своей публицистике, настолько и цензура последовательна в подозрительном отношении к его произведениям. И не зря он утверждал в письме Д. Ф. Тютчевой от 28 июля: «Для Комитета достаточно было одного моего имени, чтобы заподозрить всю книжку»⁷⁷.

Окончательное решение московской цензуры излагалось следующим образом: «При таком одностороннем освещении мыслей и деятельности г. Тютчева в книге, которая скорее носит характер литературный, чем ученый и по всей вероятности, помимо появления на страницах “Русского архива”, будет распространяется в публи-

ке и отдельною книгою, — Московский цензурный комитет нашел книгу вредною, и признал необходимым применить к ней действие ст^{ст}<атыи> I Высочайше утвержденного 7-го июня 1872 г. мнения Государственного совета, о чём и донес Его сиятельству г. управляемому министерством Внутренних дел»⁷⁸.

Смысл предложения московской цензуры сводился к тому, что хотя по Временным правилам о печати от 6 апреля 1865 г. противозаконное содержание издания следовало доказать в суде, но во избежание судебного процесса для властей предпочтительнее было воспользоваться законом от 7 июня 1872 г. Последний предоставлял возможность передать издание на рассмотрение Комитета министров⁷⁹.

Аксаков, искренне убежденный, что его труд создан «в серьезном и спокойном тоне» с несомненным христианским и антиреволюционным содержанием⁸⁰, в это время не ожидал сколько-нибудь существенных проблем с цензурой. 18 июля он писал Чижову: «Биография кончена и отпечатана, — это выходит почтенная по объему книжка, — будет выпущена в конце сентября»⁸¹.

Дальнейшая судьба издания обсуждалась 23 июля на заседании Совета Главного управления по делам печати. В «Журнале заседания Совета», помимо представления Московского цензурного комитета о «вредной» книге Аксакова, изложен отзыв, подписанный 23 июля «наблюдающим за “Русским архивом”» членом Совета, действительным статским советником Ф. П. Еленевым.

К тому времени цензор с 13-летним стажем Еленев в своем отзыве не только сосредоточил внимание на положительных, с его точки зрения, сторонах книги Аксакова, но вполне определенно пытался защитить ее перед своими коллегами. Он, в частности, подчеркивал: «Общее направление этих рассуждений не только благонамеренное, но в высшей степени консервативное, как в политическом отношении, так и по вопросам религии и литературы. В современной русской поэзии автор подвергает осуждению господствующее в ней реалистическое, обличительное и космополитическое направление и противополагает ему направление чисто-художественное и народно-патриотическое, представителем которого он считает Тютчева. Рассуждения автора по этому предмету заслуживали бы быть обязательно включенными в курс истории русской литературы»⁸².

Еленев отметил, что автор книги выступает в ней как убежденный приверженец православия и противник революции. Он даже попытался поставить в заслугу Аксакову столь сомнительное в глазах власти достоинство, что автор «выводит монархизм не из божественного права (которое он называет ложным), а из доводов фило-

софско-исторических, представляет его как великий нравственный акт народного самоограничения и самообуздания, как добровольное самообязывание народа», чему примером приводится 1612 г.⁸³

Однако и Еленев обратил внимание на то, что автор «слишком уже пристрастно возвеличивает деятельность покойного Тютчева в звании председателя Комитета иностранной цензуры, рассказывая про какие-то небывалые его подвиги в защиту свободы печати», а также на «выходку» Аксакова, который, «сводя свои старые счеты с цензурою, наделяет ее в лице Главного управления по делам печати разными лживыми обвинениями и бранными эпитетами»⁸⁴.

В итоге Еленев заявил, что «хотя в рассматриваемом сочинении и есть несколько фраз, которые были бы недозволительны в газете или в сочинении популярном, тем не менее сочинение это может быть с исключением вышеуказанного места выпущено в свет, *в уважение* его общего благонамеренного и полезного направления и в виду серьезности его содержания, которое делает его недоступным для массы полуобразованных читателей»⁸⁵. Отношение к обсуждаемой книге Еленева столь благосклонное (в сравнении с мнением всех прочих его коллег) можно отчасти объяснить тем, что он был связан с журналом Бартенева не только как наблюдающий за ним цензор Главного управления, но и как один из его сотрудников⁸⁶.

Однако выступивший вслед за Еленевым член Совета П. Д. Стремоухов отметил, что, помимо комментариев к деятельности Тютчева-цензора, в этой книге находятся и другие места, подлежащие исключению. В качестве примеров он назвал «признание ложью божественного начала происхождения монархической власти, признание народа верховным решителем своих судеб со ссылкою при этом на 1612 г. и др.»⁸⁷. Поэтому Стремоухов предложил подвергнуть арестованную книгу, на основании Высочайше утвержденного 19 апреля 1874 г. положения Комитета министров, предварительной цензуре.

Закон, на который ссылался Стремоухов, давал право, даже если издание выходило на условиях карательной цензуры, в случае, когда издатель не разобрал набора, подвергнуть его предварительной цензуре. Это позволяло запретить 10-ю книгу «Русского архива» без рассмотрения ее Комитетом министров (на что рассчитывал Московский цензурный комитет), решив вопрос внутри Главного управления по делам печати. И именно с этим предложением согласились все (за исключением Еленева) члены Совета⁸⁸.

Весть об аресте тиража издания распространялась быстро. Как рассказывал 29 июля в письме жене Аксаков, приехавший из имения Черкасских П. Ф. Самарин передавал ему: «Они уже знают о запре-

щении биографии, и Черкасский, по словам Петра Федоров^{<ича>}, убежден, что эта проделка самого Бартенева или сделка его с Лонгиновым, т. е. чтобы пустить эту вещь в ход в отсутствии Лонгина. Впрочем, сам Аксаков, пересказывая это жене, добавил: «Не думаю»⁸⁹. В письме же к Черкасской 24 июля Аксаков говорил: «К несчастию Лонгина нет в Петербурге, думаю, что он не решился бы запретить»⁹⁰. Однако, как мы увидим, вскоре он поменял свое отношение к Лонгинову-чиновнику.

В том же письме автор книги заявил: «Может быть придется послать биографию за границу и там напечатать»⁹¹, а затем в письме Д. Ф. Тютчевой эту же мысль он сформулировал более точно: «Если запрещение не будет снято»⁹². Аксаков, действительно, не затруднился бы так поступить: он и ранее прибегал к содействию зарубежных типографий, а в 1874 г. в лейпцигском издательстве «E. L. Kasprowicz» анонимно вышли его «судебные сцены» «Присутственный день уголовной палаты». К тому же в Берлине печатали свои произведения его приятели. В 1873 г. там, в издательстве «B. Behr's Buchhandlung», вышел уже 4-й выпуск «Окраин России» Ю. Ф. Самарина, а в 1874 г. — напечатал брошюру «Наше положение» А. И. Кошелев. Поэтому связаться с заграничным издательством для Аксакова не составило бы труда.

27 июля адъютант великого князя Константина Николаевича полковник А. А. Киреев направил Бартеневу письмо, в котором рассказывал: «Д. Ф. Тютчева сообщила мне о странной части, постигшей статью И. С. Аксакова. Я обратился к вел^{<и кому>} князю Константину Николаевичу с просьбою дозволить мне хлопотать о том, чтобы дикое распоряжение Ценурного комитета было отменено. Вел^{<и кому>} кн^{<язь>} с величайшою охотой позволил мне действовать его именем». Далее Киреев спрашивал у издателя «Русского архива», желает ли он, чтобы он с великим князем вмешивался в это дело и каковы конкретные причины и обстоятельства «секвестра», наложенного на статью⁹³.

Когда адресат получил это письмо и что на него ответил — сказать сложно. Известно, что именно в день отправления письма сам Бартенев выехал в Санкт-Петербург. Вероятнее всего, он встретился с Киреевым уже в столице. Это позволяет предположить недатированная записка последнего, демонстрирующая настойчивое желание помочь издателю «Русского архива» (она хранится в фонде Бартенева рядом с его корреспонденцией за август 1874 г.): «Очень жалею, что не застал Вас, хотел переговорить о деле (оно рассматривается Государем).

Письмо мое Вы, вероятно, получили.
В 3 ¾ часа буду на станции Царскосельской дороги. Живу я в Павловске»⁹⁴.

Дело, которое «рассматривается Государем», — очевидно, сказано о Биографии. Еще 26 июля Лобанов-Ростовский передал ее императору с сопроводительным письмом: «В исполнение приказания Вашего Императорского Величества, всеподданейше представляю у сего задержанную книжку “Русского архива”.

В статье о Тютчеве главным образом обращают на себя внимание помещенные на страницах 191–198 рассуждения автора о народе как об источнике власти»⁹⁵.

Для «Русского архива» это был второй случай, когда император брался за решение судьбы его публикации (первый — связан с «Запиской о древней и новой России» Карамзина). Как стало известно о коллизии с Биографией Тютчева Александру II?

Аксаков в письме А. Н. Бахметевой 11 августа объяснял это так: «Дарья Федоровна Тютчева, узнав об участии, постигшей биографию ее отца, тотчас обратилась с жалобой к Императрице, вследствие чего Государь потребовал ее к себе»⁹⁶. О том же позднее рассказывал в письме Вяземскому Бартенев: «Тут погорячилась Дарья Федоровна. В то время, как цензура соглашалась все дозволить, кроме одного места (на уничтожение которого потом и автор согласился), она потребовала Императрицу, по желанию которой Государь изволил потребовать у Лобанова-Ростовского арестованную книжку. Она была Ему представлена с донесением первой цензурной инстанции Московского цензурного комитета»⁹⁷.

Для Д. Ф. Тютчевой, которая уже свыше 15 лет являлась фрейлиной императрицы Марии Александровны, обратиться к ней в такой ситуации было вполне возможно. Тем более что та лично знала Тютчева и, в отличие от супруга, не раз проявляла сочувствие к Аксакову-журналисту⁹⁸. Спустя два дня после того, как император ознакомился с книгой и вернул ее Лобанову-Ростовскому, Мария Александровна через своего секретаря П. А. Морица обратилась за ней к управляющему Министерством внутренних дел. Лобанов-Ростовский передал единственный имевшийся в столице экземпляр издания секретарю императрицы 4 августа, и тот сообщил князю о представлении книги Марии Александровне 14 августа⁹⁹.

Уже в конце июля Д. Ф. Тютчева получила сведения о том, что более всего задело руководство Министерства внутренних дел в Биографии ее отца. Иначе говоря — о результатах проведенной им предварительной цензуры. Об этом через князя Д. А. Оболенского она сообщила

Аксакову, а тот 31 июля, пересказывая жене полученные накануне известия, добавил и собственный комментарий: «...биографию или некоторые ее места читает сам Государь. Это без сомнения высокая честь, и Государь слишком милостив, что сам поверяет действия цензуры, но каков будет результат, предугадать нельзя. *L'endroit incriminé** — Это последняя страница 6-го и начало 7-го листа, или страницы 191, 192, 193, 194, 195, 196. Хорошо, если Государь прочтет их все, но если ему дадут прочесть полстраницы, то выйдет плохо. Я перечел их и убедился, что они не будут поняты. Нужна известная степень подготовки для уразумения. А то, чувствуется, что между нами и Властью нет общаго языка, на котором мы бы могли понять друг друга»¹⁰⁰.

Александр II, 31 июля возвратив книгу Лобанову-Ростовскому, наложил по поводу ее резолюцию: «Нахожу, что с исключением некоторых фраз из помеченных мест, статью можно бы пропустить»¹⁰¹.

Однако и после этого судьба Биографии Тютчева не была окончательно решена, и Бартенев продолжал находиться в Петербурге. Аксаков, когда рассказывал Черкасской о еще только намеченной поездке в столицу своего издателя, пояснял: «...чтобы хлопотать об освобождении книжек»¹⁰². Однако вскоре он разочаровался в его действиях. Безусловно, Бартенева не могла не интересовать судьба отдельного номера его журнала. Однако еще более его беспокоило поддержание бесконфликтных отношений с цензурой. В его планы не входило доказывать правоту автора, участвовавшего в его журнале. Скорее, он с пониманием отнесся к положению Лонгинова, давшего его знакомого и сотрудника журнала, а в то время председателя Главного управления по делам печати.

В письме к Вяземскому от 27 сентября Бартенев, рассказывая о решении, вынесенном императором по поводу книги, добавлял: «Тогда приехал уже из деревни и Лонгинов и поневоле должен был отнестись к статье с крайнею строгостью. Тут произошел целый ряд компликаций»¹⁰³.

Лонгинов, вернувшись в Петербург 9 августа, нашел ожидающее его послание издателя «Русского архива» со вложенным в него, как писал он Бартеневу, письмом «сующагося во все господина». Из дальнейшего содержания письма Лонгинова, в котором говорится о проблемах с аксаковской «статьей», можно догадаться: «господин», чье письмо Бартенев передал начальнику цензурного ведомства, — Аксаков. Сам он 18 августа рассказывал Чижову, очевидно, как раз о том письме: «Бартешка поехал в Петербург, но я не дал ему никакого

* Место, вменяемое в вину (*фр.*).

полномочия на изменения и вычеркивания, а переговоры будут вестись прямо со мной. Лонгинову же написал вежливое, но вразумительное письмо»¹⁰⁴.

Лонгинов в своем ответе Бартеневу писал далее: «Жду Вас с большим удовольствием и прошу Вас остановиться у меня (Воскресенский проспект, дом № 9, кн. Хилковой); тогда обо всем переговорим. В статье есть три места, которые нужно переделать и еще выкинуть по нескольку слов или строк в 2 или 3 местах, о чем я писал уже из деревни, не зная еще здешних результатов, которые вышли совершенно сходными с тем, что я писал. Она очень хороша, цельна, интересна, но “по существу” я нашел на такие три умозаключения, которые по капитальности своей едва ли не опровергают систему, на которой она построена; сообщу их Вам при свидании»¹⁰⁵.

Подробности встреч Бартенева и Лонгина остаются неизвестны, однако примечательно, что уже в сентябре, в finale «этого несносного дела», как писал издатель журнала Вяземскому, он жаловался ему отнюдь не на цензуру и Лонгина: «Обуздывать Аксакова тоже дело нелегкое»¹⁰⁶.

После возвращения Бартенева в Москву Аксаков (в недатированном письме, относящемся, вероятно, к 17 сентября 1874 г.) в раздражении выговаривал ему: «Я нахожу, любезный Петр Иванович, что видно нельзя безнаказанно копаться в навозной куче, называемой 18-м веком в России, или Екатерининским веком* притупляется обоняние. Мы никогда не кончим наших споров, и я никогда не сумею объяснить Вам, как бы Вы должны были отнестись к делу в Петербурге. Когда дело идет об исполнении воли Государя, нужно бы добиться узнать: в чем эта воля состоит, — а не предоставлять истолкование этой воли достойному поклоннику 18-го века, Мишке Лонгинову. Нельзя безнаказанно мешаться с последним.

Затем — редактор или издатель не может никогда и сравнивать себя с *автором*, подписывающим свое *имя*. Достаточного уважения к автору у Вас именно** нет, — недостаток, в котором Гоголь так горячо упрекал Погодина, как издателя “Москвитянина”»¹⁰⁷.

Вернемся к событиям августа. Спустя две недели после обсуждения Биографии на заседании Совета Главного управления по делам печати, 7 августа в «Журнале заседаний Совета» появилась резолю-

* «или Екатерининским веком» вставлено над строкой.

** Вставлено над строкой.

ция управляющего министерством внутренних дел: «Относительно “Русского архива” исполнить Высочайшее повеление»¹⁰⁸.

Вскоре известия из Царского Села о решении Александра II по поводу Биографии Тютчева достигли Аксакова. 11 августа он сообщил Бахметевой, что император, просмотрев книгу, «велел пропустить, отметив только некоторые выражения, которые нужно, по его мнению, изменить». Вслед за тем автор Биографии добавлял: «Какие это именно выражения и какого рода изменения требуются — еще не знаю; об этом получится официальная бумага в здешнем комитете. <...> перечитывая те страницы, которые в особенности обратили на себя внимание в Петербурге, я испытал некоторое чувство стыдливости, — сознавая, до какой степени непонятны там все мои речи, — не понятен сам язык, не то что мысли, — да и нет возможности ни растолковать, ни объясниться. Мысль, чувство, вдохновение, лучи таланта, отвлеченные выводы науки, что общего между ними и всем этим административным снарядом, — как им неловко, жутко и как-то стыдно обнажать себя пред взорами властей, в атмосфере дворцов...»¹⁰⁹

Спустя пять дней решения цензуры так и не последовало, но Аксаков получил от Бартенева новые сведения о ходе его дела. 18 августа он рассказывал Чижову, что, несмотря на решение государя, которому, добавлял Аксаков, «конечно, не до того, чтобы следить за судьбой моих писаний», Лобанов вызвал из отпуска Лонгинова. Про последнего он сообщал: «сей литературный ренегат пишет Бартешке: нужно-де три места совсем переделать, а в других местах изменить выражения и вычеркнуть даже целые строчки»¹¹⁰.

Наконец, 24 августа Лонгинов направил в Московский цензурный комитет уведомление о распоряжении управляющего Министерством внутренних дел: 10-я книга «Русского архива» может быть выпущена в свет, «если из оной будут вовсе исключены» 7 указанных им мест¹¹¹.

После этого 25 августа Лонгинов адресовал Аксакову (вероятно, через Бартенева) личное письмо. Сообщая своему давнему знакомому, что ответы на поставленные им вопросы передаст издатель журнала и он же расскажет, «кто и почему дал делу оборот, уже во всяком случае непоправимый», начальник Главного управления все же объяснял автору Биографии: тот рассуждает «о таких предметах, по которым возбуждать прения и обсуждения — крайне щекотливо и более нежели нежелательно, которые должны стоять “вне вопроса”». Очевидно, речь здесь шла об изложении аксаковских представлений о самодержавной власти. В этой связи руководитель цензурного ведомства добавлял: «...и если допустить однажды исключение для Вас,

то завтра же, незаметно и неизбежно они подвергнутся обработке таких писак-агитаторов, каких Вы сами конечно, осуждаете»¹¹². Вслед за тем Лонгинов обратился к личным объяснениям. Увидев в письме Аксакова, пусть и завуалированный, упрек в том, что он, литератор, бывший секретарь Общества любителей российской словесности, превратился в высокопоставленного столичного чиновника, Лонгинов отвечал: «Да, я во многом изменился с годами и опытом, но не в Петербурге <...> не вследствие служебных успехов или видов, а наоборот». И далее объяснял: «В начале 1864 г. я уехал в провинцию и не в Петербурге, а *там* — переменился, увидя вред, безобразие и нелепость приложения на месте многоного, что тогда прославлялось»¹¹³.

Наконец, 27 августа уведомление начальника Главного управления по делам печати было получено московской цензурой.

Итак, теперь уже официальным путем автор узнал о 7 запрещенных местах его книги, каждое — от четырех слов до 22 строк. Кто определял эти «вредные места»? И почему сообщение о них не отправлялось в московскую цензуру свыше трех недель?

Лонгинов писал Бартеневу, что «в статье есть три места, которые нужно переделать и еще выкинуть по несколько слов или строк в 2 или 3 местах». Три особо выделенных места — это, очевидно, те, что отметил в книге император. Остальное Лонгинов, только вернувшись в столицу, еще не мог определить точно и говорил о «2 и 3 местах», однако позднее их оказалось четыре. Это вполне подтверждает слова Аксакова, обращенные к Бартеневу в письме от 1 сентября: «Нет сомнения, что Лонгинов, из усердия или из умопомрачения, сделал *новые* исключения, кроме тех, на которые указал Государь»¹¹⁴. Никак не противоречат этому и уже цитированные слова издателя журнала о том, что Лонгинов «поневоле должен был отнести к статье с крайнею строгостью», и о произошедшем в связи с этим «целом ряде компликаций».

Отмеченные императором места, на наш взгляд, определить несложно. Для этого надо сравнить представление Московского цензурного комитета, запись обсуждения в «Журнале заседаний Совета Главного управления по делам печати» и окончательный перечень мест, высланных в Москву. В последнем указаны три страницы¹¹⁵ (82, 282, 306), на которые не обратил внимание ни один из бравших в руки книги цензоров. Именно они, очевидно, и были отмечены императором.

Из оставшихся четырех мест три (192, 193–194, 198) приходятся на тот самый диапазон страниц (191–198), на который специально указал в своем письме императору Лобанов-Ростовский, т. к. на них помещались рассуждения автора о самодержавии и «о народе как об источнике власти». Еще прежде на эти же рассуждения обратил вни-

мание Главного управления Московский цензурный комитет. Последний фрагмент относится к оценке Аксаковым деятельности цензуры (339), которую также не могли проигнорировать ни московские, ни столичные цензоры.

И еще один аргумент... 11 августа Аксаков сообщал в письме Бартеневу: «Я видел Рахманинова. По его словам (и он пригласил меня приехать прочесть представление Ценз^{урного} комитета) — Моск^{совский} ц^{ензурный} комитет вовсе и не думал указывать на те страницы, на которые ссылался Лобанов. В пятницу вечером еще не было получено в Комитете бумаги из Петербурга»¹¹⁶.

Ф. И. Рахманинов — цензор Московского цензурного комитета. Вероятно, в тот момент до московской цензуры и до самого Аксакова неофициальным путем уже дошла информация об отмеченных в столице местах книги (отмеченных Александром II, но в подобных случаях решения императора зачастую не персонифицировались). Однако «компликации» еще продолжались, и Рахманинов не догадывался, что полный список требуемых изъятий более чем наполовину будет состоять из мест, изначально заподозренных Московским цензурным комитетом. Иначе бы он не предлагал автору ознакомиться с его представлением.

Какие именно фразы потребовала исключить цензура, мы еще попытаемся определить, а пока о том, что происходило далее.

Самое непонятное в этом эпизоде — каким образом цензура добилась ужесточения решения, уже, казалось бы, принятого императором. Однако такое между Александром II и Аксаковым случалось и ранее¹¹⁷.

Ознакомившись с предписанием Главного управления, Аксаков растолковывал 1 сентября Бартеневу: «Так как Императрица приказала жене, по получении официальной бумаги из Петербургского Цензурного управления сообщить ей о всех замеченных местах, то нельзя этого не исполнить. Ей и посылается выписка сих мест с некоторыми комментариями (если б даже ничего из этого не вышло, то комментарии все же будут полезно им прочесть)»¹¹⁸.

В том же письме Аксаков объяснял: «Я не могу ограничиться исключением только слов, отмеченных цензурой, а должен буду уже и сам исключить многое: лучше вовсе умолчать об ином, чем выставить в неверном свете и одностороннем смысле. Придется тогда перепечатать и другие страницы, неотмеченные. <...> Место о цензуре выкидываю беспрепятственно»¹¹⁹.

Вскоре Аксаков отправил в Ливадию, где находилась августейшая семья, «Объяснение зачеркнутых Главным управлением по делам пе-

чати мест в биографии Ф. И. Тютчева». Так эту записку озаглавил сам автор. Копия ее сохранилась среди других аксаковских бумаг в Рукописном отделе Пушкинского Дома. И хотя она должна была адресоваться императрице (как отдавшей распоряжение А. Ф. Аксаковой сообщить ей об окончательных цензурных требованиях), но автор записи имел в виду и другого читателя. Ведь на копии в скобках помечено: «Отправлено к Г^{осударю} Императору в сентябре 1874 г.»¹²⁰. Это «Объяснение» касалось пяти из семи отмеченных цензурой мест. «Место о цензуре» Аксаков, как мы знаем, готов был сократить без особых возражений. Второе место, сокращение которого он с легкостью уступал, находилось в столбце 282 (см. о нем далее).

Получил ли Аксаков, или его жена, какой-нибудь ответ — неизвестно. По крайней мере, более никаких изменений в издании 1874 г. не произошло.

Тем временем в сентябре шла работа по сокращению текста на указанных цензурой столбцах. Их набирали заново и вклеивали в книгу. Это видно по набору с явно увеличенным межстрочным расстоянием, а иногда — по сохранившимся следам вклейки (примером чему — страницы 197–198 и 339–340).

В недатированном письме (относящемся к 17 сентября) Аксаков сообщал издателю: «Я переделал кое-что в посылаемых страницах. Прикажите исправить согласно с моими поправками и велите строго придержать корректуру: перебирая вновь, типография наделала много ошибок. Перепечатайте 341 страницу, — выкинув слова: “князя А. М. Горчакова”. Стыдно “Архиву” печатать на своих страницах такое ошибочное уверение, что Комитет иностран^{ной} цензуры был под начальством канцлера. Эту страницу можно будет вклейть»¹²¹.

Фраза, о которой говорил Аксаков, в исправленном виде начинается на странице со столбцами 339–340, где по указанию цензуры изъяли 22 строки. Чтобы заполнить пустое место, в новом наборе увеличили межстрочное расстояние. Очевидно, это не решило проблему, и часть текста с соседней страницы со столбца 341 перенесли на 340-й. Поэтому фраза, которую следовало исправить, большей частью оказалась в столбце 340. В окончательном виде она выглядит так: «...положение Тютчева изменилось несколько к худшему с того времени, как Комитет выбыл из-под непосредственного начальства Министерства Народного Просвещения». Сначала же вместо названия министерства стояло имя Горчакова, который, как известно, возглавлял Министерство иностранных дел. Отметим, однако, что на ошибку с Горчаковым автору указал в своем письме Лонгинов¹²².

Это недатированное послание Аксакова Бартеневу заканчивалось словами: «Я оставляю у себя лишь один полулист, где письмо Тютчева французское — республике. Подумаю и пришлю его через несколько часов.

Записку Еленева возвращаю. Я не посыпал ее в Ливадию.

Ветрёнку как издатель от автора Вы вполне заслужили»¹²³.

«Письмо Тютчева французское», о котором шла речь, — вероятно, то самое письмо «к одному русскому знакомому», напечатанное в столбце 198, где автор высказывался по поводу «предстоящей Европе республиканской эры».

Вскоре Аксаков отправил записку издателю, датированную 17 сентября: «Посылаю Вам, Петр Иванович, и последний листок. Кажется, придаться ни к чему нельзя. Пусть “самодержавие” будет выкинуто изо всей книги¹²⁴. Велите же поскорее исправлять корректуры, и главное предотвратите задержку в выдаче мне отдельных оттисков, ибо *только тогда* я могу добыть из-за границы неизданных стихотворений Тютчева первой заграничной поры 61 писсу.

Главное — оттиски. Ведь Роксовшенко их, пожалуй, не выдаст»¹²⁵.

Еще в августе, после уже упомянутой встречи с Рахманиновым, Аксаков передавал его совет Бартеневу: «...было бы хорошо, если бы вы заранее, через Лонгинова, испросили разрешение на выпуск 150 отдельных оттисков»¹²⁶. Речь шла о тех самых оттисках, которые 9/10 апреля автор Биографии просил издателя напечатать для него. Однако, если верить Аксакову, договоренность об оттисках (вероятно, устная) возникла у них еще ранее — когда, отдавая рукопись Бартеневу, он отказался от какого-либо вознаграждения, но выговорил себе «право на 150 — до 200 оттисков с портретами»¹²⁷. И Бартенев, действительно, заказал в типографии печать дополнительных оттисков, но... только 125 экземпляров.

Причем, согласно цензурным правилам, для выпуска оттисков в свет требовалось отдельное разрешение цензуры, и типография передавала цензурному комитету (так же, как и в случае с обычным изданием) 10 их экземпляров.

В первых числах октября долгожданная 10-я книга «Русского архива» увидела свет. Бартенев сообщил об этом Я. К. Гроту в письме от 3 октября¹²⁸. Однако автор получил в свое распоряжение лишь один-единственный ее экземпляр.

5 октября Аксаков побывал в Типографии В. Г. Готье, и после этого он написал Бартеневу: «Несмотря на неоднократные мои просьбы, Петр Иванович, Вы не сделали никакого распоряжения об оттисках.

Вчера наконец я сам заехал в типографию и узнал, что оттиски даже не представлены в цензуру: представляют их только в будущую среду, потом семь дней будут выжидать до выпуска. Не заезжай я в типографию, и этого не было бы сделано»¹²⁹.

Высказав своему издателю ряд претензий, Аксаков предлагал: «...всего бы лучше, если б, не задерживая представлением в цензуру, Вы бы прислали мне 125 экземпляров книжек “Архива”, в том числе 20 на веленевой бумаге». Далее он объяснял: «Мне необходимо немедленно отправить за границу экземпляров пять в разные места, да наконец некоторым членам царской фамилии, по их тесной связи с фамилией Тютчева. Ко мне пристают с разных сторон...»¹³⁰.

В ближайшие дни Бартенев отправился в Германию. Эту поездку он планировал совершить еще во второй половине августа, но тогда из-за истории с цензурой должен был отложить ее. Уезжая, он не оставил типографии никаких распоряжений об оттисках Биографии. Причем сделал это не случайно.

Уже после отъезда издателя, 13 октября, Аксаков попытался получить у его жены С. Д. Бартеневой, которая принимала участие в издании журнала, 125 экземпляров 10-й книги в счет так и не выданных ему оттисков (еще прежде Аксаков настаивал: «“Оттиски” – это слово не имеет смысла, когда оттискивается вся книга “Архива”. Это уже не оттиски, а экземпляр»¹³¹).

На следующий день после этого С. Д. Бартенева сообщила в письме мужу: «Вчера у меня был неприятный разговор с Ив<аном> Сергеевичем и я, конечно, изображала, как и всегда со мною водится, в чужом пиру похмелье. Он очень сердится на тебя за неисполнение условий насчет оттисков, говорит, что ты обещал ему *оные* с портретами <...> конечно, я отвечала ему, что при всем моем желании сделать ему приятное, распоряжаться твоими книгами я не имею никакого права и просила его самого написать тебе об этом. Он ушел страшно рассерженный и сказал, что не даст больше ни одной строчки в “Арх<ив>”»¹³².

В свою очередь, Аксаков в возмущенном послании издателю «Русского архива», помимо уже описанных проблем с оттисками, рассказывал, что ни в типографии, ни у переплетчиков он не мог найти заказанных прежде портретов Тютчева и восклицал: «Как же Вы не распорядились насчет портретов? Без портретов я и оттисков не возьму». Аксаков просил телеграммой дать согласие на выдачу 125 необходимых ему экземпляров журнала. В конце же письма он заявил: «Если бы я даже и имел намерение печатать у Вас и вперед, так Вы отбили бы всякую охоту!»¹³³.

В ответ Бартенев написал 19 (31) октября из Гамбурга, что «нельзя» выдать книги журнала вместо оттисков, так как эти оттиски «печатались на лучшей бумаге», и заявил: «Оттиски выдаются через несколько месяцев по выходе журнала, а Вы требовали у меня их прежде, чем я сам получил от переплетчика 10-ю книжку “Р^{усского} архива”»¹³⁴.

Тем не менее к тому моменту, когда Аксаков прочел это письмо, ему удалось получить часть оттисков и портретов. В ответ на письмо Бартенева он сообщил ему 25 октября: «Я настоял у Софии Даниловны о выдаче мне оказавшихся в Вашем кабинете 49 портретов. Ваша супруга долго колебалась, опасаясь Вашего гнева, но я представил ей, что этого требует честь ее мужа, и пред этим аргументом она склонилась. За вами остается 76 портретов, которые и прошу доставить мне без замедления»¹³⁵.

В том же письме Аксаков отвечал на объяснения издателя журнала: «Вы ошибаетесь <...> в том, что раздача мною оттисков отклонила бы желающих иметь у себя “Биографию Тютчева” от подписки на “Архив”. Больше половины оттисков отданы мною таким лицам и в такие дома, где “Архив” уже получается: выдача оттиска не более как знак внимания тютчевской семьи многочисленным друзьям и почитателям покойного, — наконец личный знак моего внимания некоторым литераторам, а также выражение признательности за присланые мне ими их сочинения»¹³⁶.

Особенно Аксаков беспокоился об оттисках для жившего в Париже И. С. Гагарина, у которого хранились ранние, неизданные произведения поэта. И именно его имел в виду Аксаков, когда говорил, что оттиски нужны ему, чтобы добыть из-за границы «61 письму» Тютчева. Высланный Аксаковым экземпляр Биографии нашел Гагарина 28 октября (9 ноября).

Вскоре после этого автор книги получил один весьма важный для него отклик. Ценен он был, во-первых, потому, что реакция на появление издания оказалась довольно сдержанной¹³⁷, а во-вторых, мнение приславшего его было для Аксакова особенно дорого, как оценка судьи компетентного и тонкого. Речь идет о Е. А. Свербеевой, давней и близкой знакомой Ивана Сергеевича, которая в молодые свои годы была в теплых отношениях не только с Тютчевым, но и с П. Я. Чаадаевым, А. И. Тургеневым и многими славянофилами — старшими друзьями Аксакова. В своем письме 1 ноября, поблагодарив Аксакова за присланную книгу, она говорила: «Вы воскресили в душе моей все славное прошедшее нашего кружка, слышен мне голос наших незабвенных друзей, видятся их образы. (Как не больно и тяжело

отзывается в сердце чувство сознания этой пустыни, которая теперь окружает нас, и то, что как бы умолкло свободное слово — нет более поэзии.) Но сердце говорит мне, что вы один из них, из тех, которыми гордимся мы, и ваше слово полно жизни, веры и любви — и вы любите нашу Россию святою любовию. Радостно мне было читать ваше писание. Слава Богу, наконец-то вы опять заговорили. Жива в вас память славного нашего Хомякова — вы достойный ученик его. Прекрасен ваш труд, Иван Сергеевич, — честь вам и слава!»¹³⁸

На следующий день Аксаков отвечал на это: «Вы и представить себе не можете, как мне дорог Ваш отзыв, Катерина Александровна. Вы не расточительны на похвалы, и Ваш суд, проверяемый неотступною, ревнивою памятью о светлом сонме наших общих друзей, искренен и строг. Тем более ценю я его. Я сам себя проверяю Вами. <...>

Вам, разумеется, с самого начала был предназначен мною экземпляр, но Бартенев задержал выдачу мне отдельных оттисков, и только на днях, уже от жены его, выручил я себе несколько портретов, — остальные же вытребую от Бартенева, когда он вернется из-за границы. Вот почему так замедлилось доставление Вам особого экземпляра, собственно от меня»¹³⁹.

Бартенев же в упомянутом письме из Гамбурга 19 (31) октября сообщал Аксакову: «...моя записка о биографии Тютчева и записка Еленева будут доведены до сведения императрицы», но в нем же несколькими строчками ранее он заявил: «Хлопотать по этому делу в цензуре у меня отнялись руки»¹⁴⁰. На сегодняшний момент это последнее по хронологии свидетельство, связанное с цензурной историей Биографии. Что из себя представляла эта «записка» Бартенева и отреагировала ли на нее как-нибудь императрица — установить не удалось.

Разбирательства Аксакова с Бартеневым из-за недополученных оттисков продолжались и после возвращения издателя. 23 ноября Аксаков обратился к нему из-за нехватки портретов для 25 оттисков и просил: «Если у Вас есть еще довольно портретов (хотя бы и не обрезанных), — Батюшков говорил мне, что Вы на днях предложили ему один портрет, то я буду ожидать от Вас присылки портретов»¹⁴¹.

Вопреки брошенному в пылу конфликта обещанию — «больше ни одной строчки в “Арх<ив>”» — отдельные публикации Ивана Сергеевича еще появлялись в журнале Бартенева до тех пор, пока не начала выходить аксаковская газета «Русь»¹⁴². Однако дальнейшие отношения автора и издателя были заметно подпорчены. Так, 19 июля 1880 г. Аксаков объяснял Бартеневу свое нежелание участвовать в «Русском архиве»: «Подлинно, что-либо печатать в нем —

значит хоронить себя. Прежде еще можно было разбираться в этой яме, было оглавление. А теперь все свалено в кучу и нужно перелистывать всю объемистую книгу, чтобы натолкнуться, например, хоть на мою статью»¹⁴³. Эти, казалось бы, невинные образы «ямы» и «кучи» напоминают о живой еще в сознании Аксакова аллюзии «навозной кучи», в которой, как заявил он в сердцах в сентябре 1874 г., копается издатель журнала.

И за три недели до смерти, 6 января 1886 г., Аксаков писал кн. Черкасской по поводу предполагаемой им на лето приостановки выпуска «Руси»: «У меня столько бумаг в моем домашнем архиве, который — дай Бог хоть в порядок привести, а без меня некому. И Петру Ивановичу ни за что ничего не отдаю. Кстати. Бартенев — добился-таки генеральства, перескочив через четыре чина. Ф. М. Дмитриев написал ему по этому случаю презабавное послание:

Я уверен — Ваша слава

Принесет Вам Станислава, и пр.»¹⁴⁴

Бартенев же, уже после смерти Аксакова, умел отдать ему должное, в 1893 г. он писал кн. Н. В. Шаховскому: «Аксаков был кремлевский колокол, призывной, всполошной. Это общественная, даже и государственная совесть русского народа. Как ни размашист и иной раз и совсем не приборчив бывал он, а все-таки каждый раз чувствовалось: а ведь он говорит правду. Его деятельность смущала, будила, звучала праведною укоризной»¹⁴⁵.

...Что же касается Гагарина, тот, получив по почте Биографию Тютчева, а затем и просьбу Аксакова о передаче тютчевских стихов, согласился на это (их автографы были доставлены в Москву в январе 1875 г.). Причем свое решение Гагарин выразил таким образом: «Рукописями Тютчева я очень дорожу и, вероятно, никому бы их не уступил. Вам же я отказать не могу — вы на них имеете больше прав, нежели я, их место в Москве, в ваших руках, скорее нежели в Париже у меня»¹⁴⁶.

Кроме того, Гагарин поделился с Бахметевой своими воспоминаниями о поэте и внес несколько исправлений и замечаний к тексту книги. Получив их через свою давнюю приятельницу, Аксаков писал 7 ноября Гагарину: «Ваши письма к Александре Николаевне, которые она мне сообщала, исполнены многих очень ценных замечаний, и я пользуюсь ими при новом издании биографии»¹⁴⁷.

Однако новое издание книги вышло уже после кончины Аксакова. Его выпустила вдова Аксакова Анна Федоровна, давшая ей обновленное название «Биографии Федора Ивановича Тютчева». Судя по газетным отзывам, это издание увидело свет в августе 1886 г.¹⁴⁸

Готовя книгу, А. Ф. Аксакова внесла в нее ряд исправлений и дополнений, отчасти восполнявших прежние цензурные купюры, но о поправках, сделанных почти за 12 лет до того Гагариной она, скорее всего, не вспомнила или — что менее вероятно — не знала.

* * *

Что же представлял собой первоначальный, доцензурный текст Биографии? Отчасти это можно установить с помощью сохранившегося аксаковского «Объяснения зачеркнутых Главным управлением по делам печати мест в биографии Ф. И. Тютчева» и документов самой цензуры. Начнем с трех исправлений, предписанных, скорее всего, самим императором.

I

В первоначальном варианте в столбце 82 было:

«Тот же иностранец приводит слова Тютчева по поводу борьбы Карла X-го с народным представительством во Франции, разразившейся Июльскою революцией. Тютчев уже и тогда проводил различие между революцией, как открытым отпором незаконным посягательствам власти, и революцией как теорией, революцией возвведенной в право, в принцип. Он связывал этот новый культ, это революционное вероисповедание с общим историческим ходом философской и религиозной мысли на Западе»¹⁴⁹.

Выделенное жирным шрифтом — исключено из текста 1874 г. по требованию цензуры¹⁵⁰. В прошедшем цензуру издании 1874 г. в столбце 82 стало¹⁵¹:

«Тот же иностранец приводит слова Тютчева по поводу борьбы Карла X-го с народным представительством во Франции, разразившейся Июльскою революцией... Он обличал в этой революции присутствие целого нового культа, целого революционного вероисповедания, которое, по мнению Тютчева, связывалось с общим историческим ходом философской и религиозной мысли на Западе».

В издании 1886 г. на с. 65 изъятая фраза была восстановлена, но не с абсолютной точностью:

«Тот же иностранец приводит слова Тютчева по поводу борьбы Карла X-го с народным представительством во Франции, разразив-

шейся Июльскою революцией... Тютчев даже и тогда проводил различие между революцией, как отпором незаконной власти и революцией как теорией, революцией возвведенной в право, в принцип. Он обличал в этой революции присутствие целого нового культа, целого революционного вероисповедания, которое, по мнению Тютчева, связывалось с общим историческим ходом философской и религиозной мысли на Западе».

Фраза, набранная вслед за исключенной, в 1874 г. претерпела вынужденную трансформацию под пером Аксакова. Поскольку вместе с изъятым предложением исчезли слова о «революции, возвведенной в право, в принцип», к которым относились следующие далее рассуждения, автор был вынужден их исправить.

При восстановлении этой купюры в 1886 г. были допущены мелкие неточности и исправления. Самое серьезное из них, по всей видимости, сделано сознательно: «отпором незаконной власти» вместо изначального «открытым отпором незаконным посягательствам власти».

II

Текст первоначального варианта в столбце 282 установить не удалось. Из него по требованию цензуры в строках 5–6 надлежало убрать слова «при некоторых условиях, которые в письме и объяснены»¹⁵².

Вероятно, Аксаков, исключив эти слова, исправил и всю фразу, начинавшуюся с 4-й строки: «Перспектива такой *республиканской* эры в Западно-Европейском мире, — которую Тютчев, как должно полагать, отличает от явлений чисто-революционного духа, — эта перспектива хотя и не состоит в прямом противопоставлении с его программой 1849 года, однако же с трудом находит себе в ней место <...>».

Исправление этого места Аксаков не пытался оспаривать, и в издании 1886 г. оно осталось без изменений.

III

В первоначальном тексте в столбце 306 приводился текст французского письма Тютчева жене от 8 апреля 1854 г., где речь шла о политике Австро-Венгрии во время Восточной (Крымской) войны:

«C'est comme le pamphlétaire, qui pour s'excuser d'avoir publié un libelle contre son bienfaiteur, disait: "il faut bien vivre", à quoi on lui bâlement la réponse que la Providence ne tardera pas de faire à cette ignoble politique autrichienne, aussi bête que perfide».

Жирным шрифтом выделено исключенное впоследствии.
В примечании к этому месту был указан перевод:

«Этот как тот памфлетчик, который, выпустив в свет книжонку против своего благодетеля, говорил в извинение: “ведь надо же мне жить” на что и последовал ответ: не вижу в том никакой надобности. И таков, по всей вероятности, ответ, который не преминет дать Провидение этой коварной австрийской политике, столь же глупой, сколь и вероломной»¹⁵³.

В издании 1874 г. вместо исключенных фраз во французском тексте и в его переводе в примечании автор поставил многоточие и добавил: «и проч.».

В издании 1886 г. это место было восстановлено, вероятно, с поправками в переводе (с. 248). Это можно предположить по небольшим разнотечениям, наблюдаемым в первых и последних словах фразы, указанных цензурой¹⁵⁴.

IV

Следующие четыре купюры сделаны, вероятно, позднее по насто-янию Главного управления по делам печати во главе с Лонгиновым.

В первоначальном варианте в столбце 192 в цитируемом письме Хомякова было:

«В народе действительно souveraineté supreme. Иначе что же 1612 год? И что делать Мадагасам, если волею Божией, холера унесла семью короля Раваны?»¹⁵⁵.

В прошедшем цензуре издании 1874 г. в столбце 192 стало:

«В народе действительно souveraineté supreme... И что делать Мадагасам, если волею Божией, холера унесла семью короля Раваны?»¹⁵⁶.

В издании 1886 г. эта купюра была восстановлена.

Возможно, при изъятии отмеченных цензурой слов, переводимых как «верховный суверенитет», Аксаков посчитал нужным несколько изменить и пояснить это место, чтобы предостеречь читателя от ложных толкований (или подстраховаться от обвинений в возможности подобных толкований). Поэтому абзац с изъятыми словами стал на-

чинаться с фразы: «Здесь во избежание недоразумений, мы должны сделать некоторую оговорку».

V

В первоначальном варианте в столбце 193 было:

«Понятно, что как в 1612 году в Русской истории, так и в случае исчезновения семьи короля Раваны, и вообще когда прекращается самое бытие призванной народом власти смертью или изменой, он, как верховный решитель своих судеб, возобновляет прервавшееся отношение, учреждая новую власть. Понятно также, что общественное сознание Запада вынуждено было наконец формулировать и противопоставить этот принцип ложному принципу “божественного права”, который вдобавок так часто употребляли во зло западные монархи»¹⁵⁷.

В прошедшем цензуру издании 1874 г. весь этот фрагмент был изъят, а в столбце 193 перед начинавшейся вслед за ним фразой поставлено многоточие.

В издании 1886 г. купюра была восстановлена (только в словах «так и в случае» выпал союз «и»). К окончанию последней фразы было сделано весьма пространное примечание, толкующее суть монархической власти на Западе и в России. Оно заняло часть страницы 158 и большую часть страницы 159. Текст примечания А. Ф. Аксакова взяла из «Объяснения...» мужа. Однако при публикации в нем появились исправления. Опуская мелкие разночтения (самое существенное из которых — «Государство на Западе сложилось», вместо «Государства на Западе сложились»), отметим два случая сознательно допущенных исправлений.

1. В словах Аксакова «С точки зрения французского легитимиста, в узком династическом смысле, князья — потомки Рюрика (какие-нибудь Вяземские, Оболенские, Одоевские) имели и имеют более права на русский престол» было исправлено: «имели бы».

2. Самое важное — заключительная часть относящихся к этому месту аксаковских объяснений была заметно сокращена. Чтобы представить контекст рассуждений, приведем окончание комментария вместе с выделенным жирным шрифтом текстом, который не включили в издание 1886 г.

«Таким образом Русское самодержавие не есть захват власти, злоупотребление, поддерживаемое силою, а *право*, опирающееся на свободное, сознательное изволение всей Русской земли, выраженное

в избирательной грамоте. Этюю грамотою Русская земля свободно и сознательно обязала себя *верностью и ни разу* не нарушила этой верности. Такое право Русского царя, основанное *на всенародном решении, а не на узурпации*, способно выдержать критику всевозможных демократических теорий; пред ним должны были бы преклониться и русские юные демократы на западный лад, если бы только русская история преподавалась им в настоящем виде, и если бы идея о *souveraineté du peuple* была освещена Русскою точкою зрения, — как это и сделано в Биографии Тютчева и чего именно не желает дозволить цензура»¹⁵⁸.

VI

В столбце 198 приводилось, как уже было отмечено, французское письмо Тютчева «В Париж, к одному русскому знакомому». В первоначальном варианте 1874 г. было:

«Car le sentiment dynastique, sans lequel point de monarchie, est partout en baisse, et si parfois il y a des manifestation en sens contraire, ce n'est qu'un *remous* dans le grand courant»¹⁵⁹. Говоря о возможности республиканской эры для Европы, Тютчев прибавляет: «Il n'y a que la Russie, où le principe dynastique a de l'avenir, mais c'est à la condition sine qua non que la dynastie se fasse de plus en plus nationale, car en déhors de la nationalité, d'une énergique et consciente nationalité, l'autocratie russe est un nonsense et une monstruosité»¹⁶⁰.

Цензура потребовала убрать часть предложения, начиная со слов «mais c'est `a la condition...»¹⁶¹. Тогда Аксаков изъял всю фразу целиком и вместо нее поставил другую, пересказывающую содержание изъятого фрагмента. В итоге в прошедшем цензуру издании 1874 г. стало:

«Car le sentiment dynastique, sans lequel point de monarchie, est partout en baisse, et si parfois il y a des manifestation en sens contraire, ce n'est qu'un *remous* dans le grand courant» ...Далее Тютчев объясняет, почему судьбы России представляются ему иными и в чем заключаются необходимые условия бытия для ее настоящей политической формы...

В издании 1886 г. изъятый французский текст был восстановлен без последних слов «et une monstruosité» — «и уродство» (или «и чудовище») (с. 163). В качестве примечания к этому фрагменту была

добавлена часть соответствующих ему объяснений из предназначавшихся Александру II:

«Мнение о предстоящей Европе республиканской эре довольно сильно распространено; многие включают сюда и Россию. Это-то последнее предположение и опровергается Тютчевым. Его мысль в том, что самодержавие в России есть явление чисто-органическое, национальное, такое же *эндемическое*, как например *конституционализм* в Англии, который, быв пересажен на Континент, оказался везде жалким, непрочным растением. Самодержавие, как отсутствие всякой гарантии личных и народных прав, необходимо предполагает союз полного нравственного *доверия*, *единство духа религиозного и национального между престолом и народом*. Отсюда понятно, что самодержцем над Русским православным народом может быть только Русский и православный».

В адресованных императору «Объяснениях...» далее шло еще несколько строк, не включенных в публикацию явно сознательно:

«Если б иностранец и иноверец воссел на русский престол, то предоставить ему самодержавную власть было бы *un nonsens et un monstruosité*. Говоря о республиканской эре в Европе, Тютчев не мог оставить без объяснения, почему он из этой будущности исключает Россию и в чем заключаются условия исторической формы ее политического бытия. — Если выкинуть подчеркнутые цензурою строки, то автор Биографии вынужден будет исключить и строки предшествующие, даже все письмо»¹⁶².

VII

Еще одна неподдающаяся реконструкции купюра был сделана в столбце 339, где шла речь о деятельности Тютчева во главе Комитета цензуры иностранной. Здесь, по распоряжению Главного управления по делам печати, надлежало изъять слова от строки 7 и 8: «при его столкновениях с невежеством», до строки 30: «всякую либеральную мысль»¹⁶³. Поскольку Аксаков не стал объяснять и оспаривать это место, у нас нет хоть сколько-нибудь точных свидетельств о его содержании.

Вероятно, автор вынужден был исправить все предложение, из которого цензура распорядилась изъять вторую часть. И кроме того, на смену удаленному фрагменту текста Аксаков поставил новую фразу, которая начинается на 7-й строке:

«Истина, им проповеданная, не только не могла всеми и во всей своей полноте быть “носима” в то время, пятнадцать лет тому назад, но и не может еще “быть носима и ныне”, и Тютчеву, в этом отношении, готовились горькие разочарования...».

Можно предположить: прежде приведенные слова Аксакова из письма Бартеневу о том, что он и сам должен был «исключить многое», относятся к этому и идущему следом столбцу 340, где, помимо отмеченного нами места, еще трижды появился знак многоточия. Употребление его здесь нельзя объяснить семантическими причинами. Вероятнее всего, так автор отметил сделанные купюры (таким же образом он поступал в других местах, когда производил исключения по воле цензуры). Возможно, Аксаков посчитал нужным сократить некоторые фразы, т. к. в них звучали отсылки к тому, что было изъято по требованию свыше и без чего нарушалась логика рассказа.

При издании Биографии в 1886 г. эти страницы (274–275) остались без изменений.

Полная реконструкция первоначального текста биографии остается невозможна без одного из тех немногих экземпляров книги, что избежали цензуры, покинув типографию до ареста тиража. Предпринятые нами поиски и сличение содержания (в том числе и у экземпляра, принадлежащего семье Тютчевых, который хранится в Музее-заповеднике «Усадьба “Мураново” им. Ф. И. Тютчева») не дали пока желаемых результатов.

Задуманная (и во многом воспринятая первыми читателями¹⁶⁴) как трактат о поэте и поэзии, биография Тютчева далеко переросла этот замысел. И в глазах цензуры она оказалась книгой, наполненной рискованными славянофильскими рассуждениями о природе власти и самодержавии. Сами же власти с их жесткой, но, тем не менее, чуткой реакцией на эти рассуждения сделали их для нас, читателей иной эпохи, более рельефными и внятными.

Сравнение восстановленных или исправленных фрагментов текста в книге 1886 г. с купюрами, появившимися в 1874 г., дает возможность представить эволюцию, пережитую властью за отделяющие два издания 12 лет. Важным фактором, определившим эту эволюцию, стало наступление правления Александра III, императора, который с заметно большим пониманием, чем его отец, относился к славянофилам и их суждениям. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и то, что иногда цензура снисходительнее рассматривала произведения покойного автора, от которого уже нельзя было ожидать новой рез-

кой выходки, в свете чего и прежние «выходки» воспринимались не столь болезненно.

¹ Гиляров-Платонов Н. П. Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова, Москва, 1886 г. // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб., 2013. С. 687.

² См.: Бадалян Д. А. Архив И. С. Аксакова в Императорской Публичной библиотеке: история поступления и издания произведений писателя // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сб. научных трудов. Вып. 19. СПб., 2018. С. 121.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1896. С. 294.

⁴ Новые книги // Русский архив. 1896. Кн. 3. С. 480.

⁵ Возможно, последняя ошибка возникла, когда автор комментария готовил к публикации помещенное прежде в письмах к Д. Ф. Тютчевой письмо к Н. П. Гилярову-Платонову от 14 января, где шла речь об уже выпущенной в свет Биографии Тютчева. Автор комментария, зная только об издании 1886 г., вероятно, решил, что именно о нем и идет здесь речь. И, так как Аксаков называл в своем письме людей, уже знакомых с содержанием книги, комментатор сделал вывод, что она вышла более чем за две недели до того, т. е. еще в 1885 г. В автографе письма год не был указан (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 13. Л. 49–50), а при публикации его датировали «14 января 1886 г.», никак не оговорив то, что год поставлен гипотетически. В действительности это письмо относится к 1876 г., что видно по ответному письму Гилярова-Платонова от 15 января 1876 г. Переписка И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова (1855–1885) / Публ. А. П. Дмитриева // Люди русской правды: переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886) / под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2018. С. 269–270.

⁶ Основат А. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева // Федоровские чтения. 1979. М., 1982. С. 78; Чагин Г. В. История создания «Биографии Федора Ивановича Тютчева» // Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева». Комментарий. М., 1997. С. 48; Клеймёнова Р. Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002. С. 13; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1857–1886 гг.: В 3 т. Т. 3. Письма 1857–1886 гг. / Сост., подгот. текста., примеч. Т. Ф. Прокопова. М., 2004. С. 449; Мотин С. В. Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5. Ч. I. 1870–1876. Уфа, 2013. С. 109; Тесля А. А. «Последний из “отцов”: биография Ивана Аксакова». СПб., 2015. С. 476.

⁷ Основат А. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева. С. 73–79.

⁸ Касаткина В. Н. И. С. Аксаков – биограф Ф. И. Тютчева // Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева». Комментарий. С. 5–43; Чагин Г. В. История создания «Биографии Федора Ивановича Тютчева». С. 44–50.

⁹ *Бадалян Д. А.* Книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева» и цензура: (по материалам Главного управления по делам печати) // Аксаковские чтения: материалы XI Всерос. науч. конф. (Уфа, 2 окт. 2009 г.). Уфа, 2009. С. 69–74.

¹⁰ *Мотин С. В.* Аксаков Иван Сергеевич: Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5. Ч. I. 1870–1876. С. 88–113.

¹¹ Цит. по: Чагин Г. В. История создания «Биографии Федора Ивановича Тютчева» // Иван Сергеевич Аксаков и «Биография Федора Ивановича Тютчева». Комментарий. М., 1997. С. 45. Точное название: Общество любителей российской словесности при Московском университете. Яркий оратор Аксаков не редко называл произносимые им публичные речи «статьями». В этом, очевидно, выражалось его отношение к жанру устного выступления. Позднее, в июне 1878 г. он писал Е. Ф. Тютчевой: «Я большую часть жизни был <...> публицистом, продолжаю быть им и в звании председателя Московского Славянского комитета, пишу и читаю свои передовые статьи в форме речей» (Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и его последующая ссылка в письмах и документах июня – ноября 1878 г. / Публ. Д. А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. Вып. 6. СПб., 2013. С. 369).

¹² А. В. Никитенко узнал о намерении Аксакова от вдовы поэта, которую навестил 9 августа (Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Вступит. статья Т. Г. Динесман. Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989. С. 428; Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 3. 1866–1877. [М.; Л.] 1956. С. 292).

¹³ Аксаков И. С. Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи // Русский архив. 1873. № 12. Стлб. 2508–2529.

¹⁴ Цит. по: Осповат А. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева. С. 73.

¹⁵ Например, в письме кн. Е. А. Черкасской 12 октября 1873 г. (ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 5 об.).

¹⁶ Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Вступит. статья Т. Г. Динесман. Публикация К. В. Пигарева и Т. Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 430.

¹⁷ Карл Пфеффель о Тютчеве / Вступит. статья, публикация и комментарии К. В. Пигарева // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 31–32.

¹⁸ Осповат А. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева. С. 73.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 7 об.

²⁰ Там же. Л. 8 об.

²¹ Осповат А. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева. С. 73–74; Чагин Г. В. История создания «Биографии Федора Ивановича Тютчева». С. 45.

²² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 266. Под «Историческим очерком славянофильства» Аксаков, вероятно, имел в виду статью «Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи».

²³ ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 5 об. Наконец, год спустя, 2 ноября 1874 г., Аксаков объяснял Е. А. Свербеевой по поводу уже вышедшей книги: «Это мое писание есть только приготовительная работа к труду более важному и более трудному: я разумею биографию брата... Но еще прежде этой последней я хочу написать нечто о Гоголе» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 8).

²⁴ Страхов Н. Н. Ф. И. Тютчев // Заметки о Пушкине и других поэтах. Киев, 1913. С. 217. О проблеме «Тютчев и славянофильство» см.: Кожинов В. В. Тютчев. М., 2009; Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. М., 2004. С. 442–459.

²⁵ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 2. Сочинения филологические. М., 1875; Т. 3. Опыт русской грамматики. М., 1880; Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники С. Т. Аксакова. М., 1874.

²⁶ Вслед за этим Аксаков объяснял свой замысел: «...в них раскроется обилие новых, оригинальных мыслей, остроумнейших сближений, поэтических образов и оборотов речи, что составит истинное приобретение для литературы. Это и надобно будет исполнить». Отвечая на это, Самарин писал 22–28 июля 1873 г.: «Непременно надобно собрать не только все стихи его, но и приготовить к изданию многие его письма, которые стоили стихов» (Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко, В. Ю. Шведов. СПб., 2016. С. 301–302, 305).

²⁷ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 27. Л. 17–18 об., 19–20.

²⁸ Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 года по 1852» // Русь. 1880. 6 декабря. № 4. С. 15–18; 31 декабря. № 5. 13–15; Из неизданной рукописи С. Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем». III // Русь. 1880. 20 декабря. № 7. С. 15–17.

²⁹ Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. статья, подгот. текста и comment. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 305–306.

³⁰ Московские заметки // Голос. 1874. 29 января. № 29. С. 2–3.

³¹ Переписка И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова (1855–1885) / Публ. А. П. Дмитриева. С. 267.

³² Там же. С. 429.

³³ Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811–1930. М., 2002. С. 152.

³⁴ Московские заметки // Голос. 1874. 29 января. № 29. С. 3.

³⁵ Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей. 1) Материалы для биографии Н. П. Гилярова-Платонова. С. 1005. «Опять убито» — относится к сказанному автором в том же письме выше: «...я пожалел глубоко, что столько художественного чутья и тонкого разбора, можно сказать, убито в

книге. Неизмеримо более силы и практического плода имели бы все ваши замечания, если бы они явились вне биографии Тютчева: одно другим заслонено, и то и другое пропало» (Там же. С. 269).

³⁶ Цит. по: Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884) / сост., вступ. статья, подгот. текста и comment. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018. С. 534.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 327 / II. Карт. 4. Ед. хр. 18. Л. 10.

³⁸ Цит. по: Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» Достоевский и Тютчев. С. 442.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 12 об.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (I). Л. 275 об.

⁴¹ Там же. Л. 375.

⁴² Там же. Л. 262 об., 263.

⁴³ Там же. Л. 262–262 об.

⁴⁴ Там же. Л. 262 об.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 12. Письмо без даты. Мы датируем его 25 апреля 1874 г. на основании слов автора: «Я с завтрашняго утра переселяюсь в “Славянский базар”, где занял № на месяц с лишком» (Л. 12–12 об.). Из письма Аксакова же не известно, что в гостинице «Славянский базар» он поселился с 26 апреля (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 72).

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 12.

⁴⁷ Из переписки И. С. Аксакова с Эрн. Ф. Тютчевой / Публ. К. В. Пигарева // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 167–168.

⁴⁸ Фраза вставлена над строкой.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 101 об.–102. Вероятно, речь о главе V, где Аксаков привел в переводе «недоконченное письмо к князю, не сказано какому» марта 1850 г.

⁵⁰ Там же. Л. 103.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (I). Л. 375.

⁵² Там же. Л. 377.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 104.

⁵⁴ Письмо, в котором Аксаков рассказывает о произошедшей накануне встрече, не имеет даты, но помечено «среда». Учитывая дни, когда Тургенев находился в Москве, можно сказать, что, вероятнее всего, встреча произошла 4 июня, менее вероятно – 2 июля (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 108; см. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1871–1875) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская. СПб., 1998. С. 200–207).

⁵⁵ Цит. по: Прижизненная иконография Тютчева / Вводная статья и аннотированное описание С. А. Долгополовой и А. Е. Тархова // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 627.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 10–10 об.

⁵⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 451. О действовавших тогда правилах выпуска издания из типографии см.: Пат-

рушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. документов / науч. ред. Д. И. Раскин; ред. Г. А. Мамонтова. СПб., 2016. С. 250.

⁵⁸ Альтман М. М. Публикация «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина и царская цензура // Вопросы истории. 1982. № 4. С. 172–173.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 183–183 об.

⁶⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 183; Отпуск: ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

⁶¹ Патрушева Н. Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века) / ред. М. А. Бенина. СПб.: Сев. звезда, 2011. С. 129. Благодарю Н. Г. Патрушеву за консультации по цензурному законодательству и практике.

⁶² РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 184–186.

⁶³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 449.

⁶⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 452. См. Письмо Победоносцева Бартеневу 3 (15) июля 1874 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 80–80 об.). Позднее, по просьбе Аксаковых, Победоносцев отправил этот несброшюрованный экземпляр в Мюнхен для Эрн. Ф. Тютчевой (Там же. Л. 196). Однако, прежде чем туда пришла его бандероль, вдова Тютчева покинула Мюнхен (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 452).

⁶⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 280. Здесь цензура пересказывает рассуждения Аксакова, сделанные в немного более замаскированной форме в стлб. 192–195.

⁶⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 282. Здесь близко к тексту цитируется высказывание в стлб. 201.

⁶⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 451.

⁶⁸ Как отметил К. В. Пигарев, а вслед за ним Г. В. Чагин, это письмо к кн. Е. Э. Трубецкой от 15 июля 1872 г. (Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870–1873 гг. / Сообщение К. Пигарева // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. 1937. С. 765, 776; [Чагин Г. В.] Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева». Комментарий. М., 1997. С. 75).

⁶⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 281 об. Перевод слов Тютчева, приведенных в стлб. 198., — по тексту представления Московского цензурного комитета.

⁷⁰ Там же. Л. 282 об. Точная цитата слов в стлб. 288.

⁷¹ Там же. Л. 282 об.–283. Точная цитата слов в стлб. 296, 297.

⁷² Там же. Л. 283 об. Цитата слов в стлб. 352.

⁷³ Там же. Л. 283–283 об.

⁷⁴ Там же. Л. 284.

⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 327/П. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 10 об.

⁷⁶ Бадалян Д. А. Цикл статей И. С. Аксакова об обществе: история цензуры и неопубликованные страницы // Третья Аксаковские чтения. Материалы межвузовской

научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 года). Ульяновск, 2011. С. 110.

⁷⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 451–452.

⁷⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 284 об.–285.

⁷⁹ Патрушева Н. Г. Цензура и печать в России в конце 1860-х – начале 1880-х гг.: (история цензурной контрреформы) // Solanus. New Series. 1997. Vol. 11. P. 75–77.

⁸⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 449. В похожих выражениях Аксаков говорил о своей книге и в письме кн. Черкасской 24 июля 1874 г.: «никто, ни сам Бартенев, ни Самарин не заметили во всем этом труде ни одного резкого выражения, <...> клянусь, никогда в жизни не писал я ничего более серьезного и зрелого; ни одной резкой выходки или фразы!» (ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 10 об., 11).

⁸¹ Цит. по: Чагин Г. В. История создания «Биографии Федора Ивановича Тютчева». С. 47.

⁸² РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 286. Текст этого отзыва (с незначительными разноточениями) также представлен в «Деле с отзывами члена Совета Еленева» (Там же. Оп. 5. Д. 17. Л. 11–13 об.).

⁸³ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 288–288 об. В своих рассуждениях об особенности власти в России Аксаков и другие славянофилы ссылались на пример 1612 г. как на переломный момент, когда, оказавшись в положении безвластья, сам народ решил восстановить самодержавное правление.

⁸⁴ Там же. Л. 290–290 об.

⁸⁵ Там же. Л. 290 об.–291.

⁸⁶ Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев и «Русский архив». М., 2013. С. 167.

⁸⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 291 об.

⁸⁸ Там же. Л. 292. Друг юности Аксакова, а в то время член Государственного совета князь Д. А. Оболенский при встрече с ним в Москве 30 июля сожалел, что дело с Биографией «не пошло своим порядком, т. е. не дошло до общего рассмотрения в Комитете Министров» (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 118–118 об.).

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 116 об.

⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 10 об.

⁹¹ Там же. Л. 11 об.

⁹² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. Т. 3. С. 450.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 36–36 об.

⁹⁴ Там же. Л. 194.

⁹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 198–198 об.

⁹⁶ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 15–15 об.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 186 об.

⁹⁸ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 29–30.

⁹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 199, 200, 202.

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 118.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 198.

¹⁰² ОР РГБ. Ф. 327/II. Карт. 4. Ед. хр. 14. Л. 11.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 186 об.–187.

¹⁰⁴ Цит. по: *Основат A. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева*. С. 75.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 146–146 об.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 186 об., 185 об.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 204–204 об.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 279.

¹⁰⁹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 15 об.

¹¹⁰ Цит. по: *Основат A. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой биографии Ф. И. Тютчева*. С. 75.

¹¹¹ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 9–9 об.; РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 205–205 об.

¹¹² В связи с этим примечательно мнение, высказанное однокашником автора по Училищу правоведения, а в то время членом Государственного совета Победоносцевым в письме от 23 июля (4 августа) 1874 г. После ряда похвал «прекрасной статьи» он добавлял: «Одно, что могло бы, как кажется мне, представиться некоторым диссонансом в целом ее строю, это — место, где у Тебя говорится об отвлеченной конструкции самодержавия в России (на стр. 194/5). Это предмет ужасно трудный и ужасно соблазнительный: если бы довелось мне толковать с Тобою о Твоем плане, я бы посоветовал бы Тебе не трогать эту струну. Еще не явилось, по моему мнению, художника, который играл бы на ней без фальши, — так она трудна. Есть предметы, которые — может быть до некоторого времени — поддаются только непосредственному сознанию и ощущению, но не поддаются строгому логическому анализу, не терпят искусственной конструкции. Всякая формула дает им ложный вид и — прибавлю — дает повод, с той или с другой стороны — к задним мыслям и недоразумениям...» (Переписка И. С. Аксакова и К. П. Победоносцева (1866–1885) / Публ. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова // Люди русской правды: переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1886) / под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2018. С. 370).

¹¹³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 340. Без нумерации.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 112.

¹¹⁵ Нумерация в книге «Русского архива» велась по столбцам, но во всех цензурных документах их называли страницами.

¹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 125.

¹¹⁷ В мае 1861 г. Александр II по ходатайству министра народного просвещения Ев. П. Ковалевского уже было разрешил Аксакову издание газеты «День». Однако то,

что министр обратился к императору, минуя III отделение, вызвало возмущение его начальника кн. В. А. Долгорукова и управляющего А. Е. Тимашева. После их вмешательства вопрос о газете был вынесен на обсуждение в Главном управлении цензуры, а затем — в Совете министров.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 112.

¹¹⁹ Там же. Л. 112–112 об.

¹²⁰ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1.

¹²¹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 204 об.

¹²² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 340.

¹²³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 204 об.–205.

¹²⁴ В требовании цензуры речь шла об исправлении не во всей книге, а в конкретном месте. Очевидно, эти слова вырвались у Аксакова под влиянием эмоций, и их не стоит понимать буквально. Ведь в ноябре 1874 г. он писал И. С. Гагарину: «Я очень сожалею, что подлая цензура заставила меня перепечатать некоторые страницы и выкинуть из письма Тютчева, писанного в 1872 г., строки о самодержавии» (Тютчев в Мюнхене (Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым) / Вступит. статья, публикация и комментарии А. Л. Осповата // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. С. 56).

¹²⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 209.

¹²⁶ Там же. Л. 125 об.

¹²⁷ Там же. Л. 276 в.

¹²⁸ *Осповат А. Л. И. С. Аксаков и «Русский архив»: К истории издания первой Биографии Ф. И. Тютчева*. С. 77.

¹²⁹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 242. «В будущую среду», т. е. 9 октября.

¹³⁰ Там же. Л. 242 об.–241.

¹³¹ Там же. Л. 241.

¹³² Там же. Л. 278–279.

¹³³ Там же. Л. 277.

¹³⁴ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 5 об, 5.

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 212 об.–213.

¹³⁶ Там же. Л. 212–212 об.

¹³⁷ Сам Аксаков, два года спустя, рассказывал о биографии Гилярову-Платонову: «...эта работа моя прошла почти не замеченною. Кроме горячих похвал Юрия Самарина, читавшего почти всю книгу еще в рукописи, Дмитрия Самарина да некоторых священников, никаких отзывов я о ней не слыхал, не считая фельетонных похвальных отзывов об эстетической части сочинения да успеха, который имело мое чтение в Обществе — тоже исключительно о поэтическом достоинстве стихов Тютчева. Но собственно о политической или психологической стороне никто ни слова. Верно, и не прочли, а самому заговаривать не хотелось» (Переписка И. С. Аксакова и Н. П. Гилярова-Платонова (1835–1885) / Публ. А. П. Дмитриева. С. 267). В тех же выражениях, уже после смерти автора, писал и Гиляров-Плато-

Книга И. С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева»

нов: «Надобно удивляться, что “Биография Тютчева”, при первоначальном выходе из печати, двенадцать лет назад, прошла почти незамеченою в нашей литературе» (*Гиляров-Платонов Н. П. Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова, Москва, 1886 г. С. 686*).

¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 1–1 об.

¹³⁹ Там же. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 8.

¹⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 5 об., 5.

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 566 (II). Л. 262.

¹⁴² В 1875 г. Аксаков передал для публикации в «Русском архиве» «Жалобу крестьян Тамбовского наместничества (Спасской округи села Бокова)» (1875. Кн. 11. С. 397–398). Позднее в журнале увидели свет его произведения: Федор Васильевич Чижов. Из речи И. С. Аксакова, произнесенной 18 декабря 1877 г. (1878. Кн. 1. С. 129–137); Стихотворения Ф. И. Тютчева (1879. Кн. 5. С. 118–123) — предисловие к публикации 30 ранее неизвестных произведений поэта (Там же. 123–138); Письма А. С. Хомякова к Ю. Ф. Самарину. Предисловие (1879. Кн. 11. С. 301–304).

¹⁴³ Цит. по: *Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев и «Русский архив»*. С. 155–156.

¹⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 66. Л. 23.

¹⁴⁵ Цит. по: *Бадалян Д. А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов*. СПб., 2016. С. 121.

¹⁴⁶ Тютчев в Мюнхене (Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым) / Вступит. стат., публикация и comment. А. Л. Осповата. С. 52.

¹⁴⁷ Тютчев в Мюнхене (Из переписки И. С. Гагарина с А. Н. Бахметевой и И. С. Аксаковым) / Вступит. стат., публикация и comment. А. Л. Осповата. С. 50.

¹⁴⁸ *Страхов Н. Н. И. С. Аксаков (Биография Федора Ивановича Тютчева)* // Новое время. 1886. 4 сентября. № 3777. С. 2; *Гиляров-Платонов Н. П. Биография Федора Ивановича Тютчева. Сочинение И. С. Аксакова, Москва, 1886 г.* // Современные известия. 1886. 30 октября. № 299. С. 1–2.

¹⁴⁹ Восстановлено по «Объяснению зачеркнутых Главным управлением по делам печати мест в биографии Ф. И. Тютчева» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1).

¹⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9–9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 203–203 об.

¹⁵¹ Здесь и далее исправленные опечатки не оговариваются.

¹⁵² ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 203 об., 205.

¹⁵³ Восстановлено по «Объяснению...» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 2 об.) с переводом, учитывающим: ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155 Л. 203 об., 205.

¹⁵⁴ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 203 об., 205.

¹⁵⁵ Восстановлено по: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1; ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 203 об., 205. Правильно: мадега-

сам — жителям Мадагаскара (так в изданиях: Из писем А. С. Хомякова к А. Н. Попову // Русский архив. 1884. № 4. С. 309; Хомяков А. С. Полное собр. соч. Т. 8. Письма. М., 1904. С. 193). Возможно, имелся в виду король Мадагаскара Радама I (1810–1828).

¹⁵⁶ Годом позже, когда в статье Аксакова «Ф. И. Тютчев и его статья “Римский вопрос и Папство”» цитировалось это же место из письма Хомякова А. Н. Попову от января 1850 г., оно снова увидело свет без слов «Иначе что же 1612 год?» (Православное обозрение. 1875. № 9. С. 84). Впервые они были напечатаны в 1884 г.: Из писем А. С. Хомякова к А. Н. Попову. 309.

¹⁵⁷ Восстановлено по: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1–1 об.

¹⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 2. В автографе слова, не включенные в издание 1886 г., отмечены скобками, поставленными позднее карандашом.

¹⁵⁹ Ведь династическое чувство, без которого нет монархии, всюду пришло в упадок, и ежели еще встречаются взгляды противоположного направления, то это всего лишь тонкая струя в общем потоке (*фр.* Перевод по: Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева». Комментарий. С. 76).

¹⁶⁰ Остается одна Россия, в которой династический принцип имеет будущее, но лишь при условии, что династия непременно станет более народной, ибо вне народности, энергичной, сознательной народности, русское самодержавие есть не что иное, как бессмыслица и уродство (*фр.* Перевод, кроме окончания фразы, по: Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева». Комментарий. С. 76). В автографе слова, начиная с «*l'autocratie russe*», позднее отмечены скобками, поставленными карандашом (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 2).

¹⁶¹ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 203 об., 205.

¹⁶² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 2 об. Излагаемые здесь представления о самодержавной власти в России очень близки тем, что Аксаков изложил в письме Гилярову-Платонову 27 февраля 1863 г. Характерно, что при публикации этого письма в начале 1896 г. А. Ф. Бычков и В. С. Россоловский предпочли исключить часть текста, где, например, говорилось: «Русский народ, конечно, не согласился бы добровольно на неограниченную власть татарского Хана и оградил бы от басурмана свою народность, по крайней мере» и «Теперешнее Правительство еще более чуждо нам, чем Владислав и Батый» (Юшко А. Г. «...Выпущено в последней корректуре»: (к истории публикации писем И. С. Аксакова Н. П. Гилярову-Платонову) // Христианство и русская литература. СПб., 2017. Сб. 8. С. 553).

¹⁶³ ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 151. Л. 9 об.; Отпуск: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 155. Л. 203 об.–204, 205.

¹⁶⁴ См., например: Федор Иванович Тютчев («Русский архив», № 10-й) // Голос. 1874. 24 окт. № 294. С. 1–2; А[всеенко В. Г.] Ф. И. Тютчев // Русский вестник. 1874. № 11. С. 403–437; М[ещерский В. П.] Федор Иванович Тютчев // Гражданин. 1874. № 49. 9 дек. С. 1248–1255.